

ХАННА КИМ

ЦЕФЕИДЫ. АНДРОМЕДА

ОНИ — МАЯКИ ВСЕЛЕННОЙ

18+

Ханна Ким

Цефеиды. Андромеда

Серия «Хиты молодежной прозы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69301777

*Цефеиды. Андромеда:
ISBN 978-5-17-150064-1*

Аннотация

С наступлением ночи на небе загораются тысячи звезд, но свету некоторых из них потребовались миллионы лет, чтобы достигнуть нас. Какие-то из них погасли задолго до нашего рождения – даже звезды не живут вечно. И если другой, похожий на наш, мир настолько далеко... Возможно, он уже давно угас, как и эти звезды, оставив после себя лишь холодное сияние на нашем небе.

В планы Мингю не входили поиски себя и смысла жизни – он просто существовал, потеряв счет уходящим дням. Под сиреневым же небом каждая прожитая секунда кажется важнее, чем все, что происходило с ним до настоящего момента. Этот мир заполняет пустоту внутри: людьми, чувствами, ощущением нужности. Прошное теряет над ним власть и уступает место настоящему, и Мингю перестает оглядываться назад и наконец-то решается жить.

Содержание

Плейлист	5
1	6
2	31
3	58
4	87
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Ханна Ким

Цефеиды. Андромеда

© Ким Х., 2023

© ООО «Издательство «АСТ», 2023

Плейлист

X Ambassadors – Renegades

Bel Heir – Chain Me To The Sun

FRENSHIP – 1000 Nights

Theory Of A Deadman – Angel

Marina & The Diamonds – Immortal

Red – Pieces

Nickelback – Lullaby

Adelitas Way – Undivided

Bahjat – Hometown Smile

Equinox – Bones

KAINA – Cannonball

Trafton – Risk

1

Мингю стоит перед зеркалом уже пятнадцать минут: убирает волосы то в одну сторону, то в другую, ерошит их от бессилия. Отросшая челка начала лезть в глаза еще неделю назад, а сейчас и вовсе хочется откромсать ее ножницами, как он однажды сделал в детстве, за что получил нагоняй от бабушки.

Он понимает, что дело вовсе не в волосах, а в волнении, которое концентрируется в кончиках пальцев, раз за разом треплющих волосы, превращая их в еще больший хаос. Осталось минут десять до выхода, а Мингю так и не смог взять себя в руки.

– Может, тебе волосы покрасить, чтобы ты наконец-то успокоился? – не выдерживает Чонхо, все это время наблюдавший за его страданиями.

Мингю смотрит на него через зеркало в ванной и закатывает глаза. В последний раз он красил себя сам – точнее, с ним был Тэён, который вызвался помочь, руководствуясь якобы разумными доводами вроде «Ты так без волос останешься или про затылок забудешь». Без волос в итоге не остался, но вся ванная оказалась заляпана краской, а шторку из душа и вовсе пришлось выбросить. Тэён – ходячая катастрофа.

– Тебе что, настолько заняться нечем, что ты хочешь мне

помочь?

– А я тут при чем? У меня один знакомый в салоне работает, – пожимает плечами Чонхо и осторожно добавляет: – Он Сонёля в красный красил, кстати.

Мингю вздрагивает все равно. Смотрит какое-то время в чужие глаза – все так же через зеркало – и оборачивается. Улыбается неуверенно и кивает, до конца не понимая, с чем именно соглашается.

Они едут в противоположный конец Сеула, поймав такси прямо у выхода из дома. Мингю таращится в окно, нервно теребя рукав рубашки, и понятия не имеет, как ему себя вести в чужом доме. Вчерашний звонок матери Мина попросту застал врасплох – женщина позвонила вечером и радостно сообщила, что ждет Мингю (и Чонхо тоже) завтра в гости. Где-то тут они переглянулись, копируя замешательство на лицах друг друга, – странно ждать новолуния и в принципе быть зависимым от лунного календаря, но напрочь забыть про один из главных праздников в году, который вообще-то в эту субботу. Мингю не праздновал Чхусок¹ по-человече-

¹ Чхусок – праздник урожая и поминания предков в Корее, по традиции отмечается в кругу семьи. Празднуется 15-го числа 8-го лунного месяца.

ски уже несколько лет, так что ему эту забывчивость вполне можно простить, потому что как справлять семейное торжество, когда семьи нет. Но Чонхо?..

– Почему тогда мы учились в пятницу? – Недоверчиво спрашивает он, отвлекаясь от разглядывания улицы через окно такси. – Там же три дня выходных должно быть.

– Зато мы не учимся в понедельник и вторник. У нас немного странный университет. – Чонхо проверяет время на телефоне. – Кажется, мы опаздываем.

– Я все еще думаю, что это плохая идея, – качает головой Мингю, опять принявшись дергать рукав рубашки; его ладонь накрывают рукой.

– Все будет нормально. – Чонхо смотрит ему в глаза как-то упрямо и чересчур уверенно. – Как-никак, это и твои родители тоже. Пусть и не в этом мире.

И в этом главная проблема, думает Мингю. Пусть он уже видел мать Мина, пусть и переписывался с ней иногда, чтобы та не переживала, эта встреча значит куда больше, чем может показаться на первый взгляд. Хотя бы потому, что там будет еще и отец. Хотя бы потому, что это первый в жизни Мингю Чхусок с родителями, который он запомнит. Хотя бы потому, что...

Курит ли все еще его (*не его*) отец крепкие сигареты? Есть ли на его плече шрам? Заплетет ли его (*не его*) мать волосы в косу сегодня? Пахнет ли в том доме персиками?

Мингю хочет знать. Но вместе с этим – не проверять ни-

когда.

– Надо было выгулять Куки перед отъездом, – нервничает он.

– Мы это делали два часа назад.

– Надо было еще.

Чонхо в ответ только тяжело вздыхает, а потом смеется по-доброму, отворачиваясь к окну.

Не выходные, а пиздец какой-то. Потому что сегодня только начало. И если Мингю готов грызть ногти только от мысли, что меньше чем через полчаса будет сидеть за одним столом с семьей, которая в этом мире вдруг стала его, то что с ним будет, когда он переступит порог загородного дома, принадлежащего отцу Чонхо.

Не только Мингю накануне получил звонок от семьи. Чонхо позвонили тоже – отец, который в воскресенье утром возвращается из командировки. Откуда именно, Мингю решил не уточнять, потому что был слишком занят разглядыванием чужого озадаченного лица: Чонхо хмурил брови и то и дело чесал затылок, подбрасывая телефон в руке.

– Мы два года в Чхусок не виделись, – говорит он. – Я обычно... с родителями Мингю его праздную. Понятия не имею, почему он вдруг...

– Может, соскучился, – неуверенно пробует Мингю.

– Сложно поверить, – хмыкает Чонхо, выдыхая через нос.

– Как так вышло, что... – слова подбирать как-то сложно слишком, – что вы есть друг у друга, но...

– Не знаю, – прерывают его, – мы с отцом не особо близки. Может, проблема в том, что он видит во мне женщину, которая его бросила. Я внешне пошел в мать. – Чонхо нервно кусает ноготь большого пальца. – Все в порядке. Я давно привык и не жалуясь. Отец обеспечивает меня абсолютно всем, поэтому... Ну, глупо быть недовольным.

Не глупо, думает Мингю. А еще хочет опрокинуть что-нибудь. Кто-то не имеет семьи и мечтает лишь о том, чтобы снова оказаться в любящих объятиях, а кто-то семью имеет – и пусть расколотую на два далеких друг от друга берега, – но не может ощутить и крупницы тепла. Это неправильно.

– Я не думаю, что нам следует ехать. Да, *нам*, – акцентирует Чонхо последнее слово. – Потому что один я в этот дом не поеду.

– Почему не следует?

– Потому что, если ночью пойдет дождь, мы не успеем вовремя вернуться.

Мингю разглядывает чужое серьезное лицо напротив и из последних сил давит в себе глупые слова. В нем их слишком много в последнее время – слов этих глупых. Вроде «К черту этот дождь» и «Ты не хочешь, чтобы я уходил, а я не хочу, чтобы ты меня отпускал».

(«Я хочу остаться».)

Он долго стоит перед домом, когда они выходят из такси. Рассматривает серый кирпич, балконы чужих квартир, даже встречается взглядом с какой-то девушкой на третьем этаже,

которая вышла выкурить сигарету. Чонхо не торопит его – терпеливо ждет, пока Мингю сам сделает первый шаг. И он делает его – крепко вцепившись в рукав чужой рубашки.

– Кто это тут почтил нас своим присутствием? – встречает их с порога пожилая женщина в переднике с подсолнухами.

Всю храбрость, которую Мингю успел собрать в кулак к этому моменту, он разом теряет. Стоит столбом в дверях и почти физически чувствует, как конечности наливаются тяжестью. Не сдвинуться с места. В носу начинает покалывать.

– Здравствуйте! – Чонхо первым заходит внутрь и подставляется под чужие объятия. – Прошу прощения за опоздание, мы застряли в пробке.

– Ой, да не извиняйся. – Бабушка хватается его за обе щеки. – Ишь какой вырос жених красивый! Девчонки поди толпами бегают! – Она начинает скрипуче смеяться.

Мингю понимает, что окончательно пропал. Он видит человека перед собой и понимает, что тот абсолютно такой же, каким запомнился в лучшие годы. Его бабушка – она все такая же. С яркой серебристой проседью, улыбающимися глазами, с фартуком абсурдным и такими же абсурдными шутками, которые мало кто понимает.

– Ну, иди сюда. – Она сгребает Мингю руками и так крепко сжимает, что тот буквально выпускает дух. – Совсем хилый стал. Кушай больше, а то на такой скелет никто не позарится.

Он медленно поднимает руки и обнимает в ответ. Дума-

ет вдруг, что никогда его жизнь не была настолько правильной, как в этот момент. Мингю чувствует запах персиков, обнимает человека, которого хотел спасти больше, чем жить, и смотрит через плечо бабушки на Чонхо, глаза которого слишком черные и слишком красивые. И хочется, чтобы так всегда было. Чтобы всегда можно было чувствовать родное тепло рядом и видеть улыбку человека, для которого ты по непонятной причине стал чем-то большим, чем просто тусклым блеском потерянной звезды из другой галактики.

Мингю и вправду потерянная звезда. Ищет свет, в котором может сгореть без каких-либо сожалений. Окончательно и безвозвратно. И пусть после него ничего не останется, эту яркую вспышку всего, что осталось от его души, увидят те, ради кого и хотелось умереть.

Он только и успевает, что снять кеды, когда в коридор выходят мать и... отец. Высокий – Мингю ростом пошел не в него – и будто бы молодой даже в свои сорок пять, в белой рубашке и свободных брюках. Мингю теряется немного, смотрит на чужое предплечье, скрытое под тканью, – словно хочет увидеть шрам, который все еще помнит на ощупь, – и делает небольшой поклон, потому что просто не знает, как себя вести. Отец Мина смеется, хлопает его по плечу и приобнимает одной рукой. А Мингю – Мингю все так же продолжает рассыпаться внутри себя. Весь этот мир – проекция жизни и людей, которых у него никогда не будет.

(Но сейчас же есть?)

Чонхо достает из рюкзака огромную упаковку традиционных рисовых пирожных, перевязанных голубой лентой, и вручает ее хозяйке дома. Мингю лупит глаза и теряется еще больше, потому что как, *как* тот успел позаботиться еще и о таких вещах, когда он почти глаз с него не спускал? Мать Мина обнимает Чонхо, а Мингю кажется вдруг, что в этой семье не один сын, а двое. И от этой мысли становится только грустнее.

– Уже нашел себе невесту? – В шутку спрашивает мать, когда ставит перед Мингю тарелку с супом.

Тот давится воздухом, закашлять хочет, но получается не очень – сидит только с красным лицом и круглит глаза.

– Да ладно тебе, чего ты опять, – шикает на нее бабушка.

– Но я хочу внуков! – возмущается женщина, отбрасывая за спину волосы, заплетенные в косу.

– Да какие тебе внуки! А этот еще поди набегаться не успел. – Бабуля смеется, накладывая себе в тарелку кимчи. – И вообще, ему, может, больше мальчишки нравятся. – Она начинает хохотать еще громче и роняет кусок капусты на стол.

Классно, Мингю думает. Бабушка что в том мире, что в этом – остается все той же бабулей с *неуместными* шутками, которые большинство воспринимает в штыки. Он улыбается, разглядывая содержимое тарелки, и берет в руку ложку. На бабушкину тираду никто не отвечает – только отец громко отпивает соджу из стопки, а Чонхо давится смешком, неуме-

ло делая вид, что поперхнулся.

Сложно выразить словами чувства, когда сидишь в кругу людей, которые когда-то были в твоей жизни, но ушли, растаяли в воспоминаниях, будто снег по весне. И в размытой луже ты видишь их отражения, которые исчезают, испаряются безвозвратно на солнце, которое печет своими лучами из будущего, обреченного на то, чтобы все-таки наступить. Сложно выразить словами чувства, когда дышишь полной грудью, а легкие заполняют давно забытые, как ты думал, запахи из детства. Ты весь в них, они все в тебе, это как отдельная Вселенная со своими законами. И все, что остается, – только делать вдох за вдохом, умоляя себя запомнить этот момент навсегда.

Сложно выразить словами чувства, когда понимаешь, что потерянное однажды ты потеряешь снова, вернувшись в то место, которому принадлежишь. Мингю бросает на Чонхо долгий взгляд, плавая в мыслях где-то между «не хочу» и «я должен».

«Выбор есть всегда», – твердят умники, которых он ненавидит всей душой. Потому что они никогда не были там, где Мингю есть сейчас. Тут нет перепутий, нет перекрестков. Есть лишь тысяча дорог, у которых один общий конец, а за ним – ничего. И нужно повернуть назад.

– Чонхо, – мать Мина взмахивает руками, резко поменявшись в лице, – боже, как я могла забыть!

Она поднимается с места и убегает куда-то. Возвращается

всего через минуту с пачкой каких-то бумаг и протягивает их Чонхо.

– Когда я к вам заезжала недавно, то проверила почтовый ящик. Хотела сразу отдать, но из головы тогда совсем вылетело из-за... – Женщина качает головой, не решившись продолжить. – Простите, обычно я не такая рассеянная.

– Все в порядке, – мягко улыбается Чонхо. – Если бы вы этого не сделали, то никто бы не сделал. Сами знаете, что мы в почтовый ящик почти не заглядываем.

– Там письмо, – вкрадчиво извещают его в ответ.

Он опускает взгляд на бумаги, сплошь состоящие из всяких рекламных листовок, и вытаскивает из середины тонкий конверт. Мингю, сидящий рядом, застывает с ложкой в руке и умоляет себя не подглядывать. Не спрашивать. Сделать вид, что он не слышал и не видел ничего, потому что это его не касается.

Но все равно смотрит на конверт в чужих руках и видит в адресе отправителя «Нью-Йорк, США».

– Забавно это, – говорит мать Мина. – Сейчас все отдают предпочтение всяким мессенджерам, а кто-то все еще пишет письма от руки!

– Иногда я думаю, что тут есть чему поучиться, – улыбается Чонхо и прячет письмо в карман. – Игнорируя прошлое, мы не можем полноценно жить в будущем.

Мингю кажется, что что-то идет не так. Неправильно совсем. Не по тому пути. Он откладывает ложку с растерянным

лицом и извиняется, после уходя в уборную. Умывается холодной водой, смотрит долго на свое лицо в зеркале и думает, что не хочет больше быть тем, кем его знают остальные. Не хочет быть собой.

И он не понимает, зачем другие цепляются за то, что лишь всплеск, вспышка – нечто мимолетное, стремительно тающее. Зачем тебе падающая звезда, зачем тебе комета, зачем все звезды, вместе взятые, если есть солнце? Мингю смеется в свое отражение немного истерично и вытирает со щек капли воды.

Они возвращаются домой к десяти вечера. Мингю по пути едва ли произносит пару фраз, разглядывая то Сеул сквозь окно такси, то свои руки. А иногда смотрит на карман Чонхо, который слегка топорщится от конверта. Хочет, правда очень хочет узнать, что там. Кто тот человек, что написал. Зачем он пишет. Почему Чонхо нужны эти письма. Ведь нужны же, верно?

Когда Мингю подходит к окну на кухне, на улице начинает накрапывать дождь – слишком мелкий, чтобы его заметить с первого взгляда. Он давит в себе глупое желание вытянуть руку и поймать пару капель. Думает вдруг, сидят ли сейчас перед окном Тэён и Мин. Гадают ли, будет ливень или нет. Они не виделись всего несколько дней, а чувство такое, будто целую вечность.

Мелкий дождь заканчивается около двенадцати ночи. Мингю к этому времени так и не решается спросить у Чонхо,

кто тот человек, от которого он получил письмо.

– Ты уверен, что хочешь именно такой цвет? Он будет быстро вымываться. – Высокий парень с вытатуированным на шее крестом с интересом разглядывает волосы Мингю.

– Не быстрее, чем пепельный, – хмыкает тот.

Он и сам не до конца понял, как оказался в этом кресле в салоне. В какой именно момент осознал то, что происходит, – когда Чонхо скинул ему в катке адрес или же когда ехал в метро. Черт его знает. Да и есть ли хоть какая-то разница. Мингю разглядывает свое отражение из-под отросшей челки, что уже давно утратила свой серебристый цвет, и в который раз за последние дни хочет перестать быть собой. (Не дни. Всю жизнь.)

Он осторожно чешет голову, возвращаясь домой, потому что кожа дико зудит, как и обычно после каждой покраски, и избегает взглядов на себя в любой отражающей поверхности. Мингю знает, что выглядит хорошо. А еще знает, что все осталось по-прежнему. Странно и глупо думать, будто, изменив цвет волос, ты изменишь самого себя. Но ведь нужно начать хоть с чего-то?

Чонхо роняет поводок, когда Мингю переступает порог

квартиры. Куки начинает возмущенно выть, словно решив, что его передумали выгуливать.

— Это... в смысле... — Чонхо подбирает поводок, не сводя взгляда с чужих волос. — Тебе идет. Но почему такой цвет?

Мингю пожимает плечами. Решает не говорить, что потому, что ближе к закату облака на лавандовом небе становятся мятными. Такие яркие и в то же время такие чужие. Пятнами на небосклоне. И лишь несколько минут перед тем, как зайдет солнце.

(Он — это мгновения.)

Они вместе выгуливают Куки, молча поглядывая друг на друга. Чонхо — потому что разглядывает чужие волосы, Мингю — потому что все еще думает о вчерашнем вечере. И письме, которое Чонхо так и не открыл.

— Я Сонёля позвал вместе с нами, — роняет он, когда они заходят в лифт.

— Куда? — Мингю не понимает.

— Ну, — Чонхо нажимает кнопку с номером нужного этажа, — завтра.

Он долго рассматривает Куки, который трется о его ногу, а потом поднимает взгляд. Честно не хочет строить причинно-следственные связи в своей в голове, но они строятся сами.

— Ты уверен?

— Почему нет? Он уже ездил вместе с нами. — Чонхо легко улыбается. — Да и в том доме совершенно нечем заняться,

поэтому...

Мингю усмехается, вспоминая почему-то, как однажды они вчетвером поехали за город: он, Тэён, Санхён и мелкий Чонхо. Это было года два назад – почти сразу после того, как Мингю выписался из реабилитационного центра. Они сняли маленький домик на берегу озера и жарили самгёпсаль на открытом воздухе, который пах костром, лесом и чем-то, что Мингю давно забыл.

Вечеринка на четверых в тот вечер быстро стала вечеринкой на троих, потому что в одиннадцать им пришлось загнать Чонхо спать, ибо мать отпустила его на выходные вместе с ними только при том условии, что он будет ложиться спать вовремя. Мингю все еще помнит те обиженные детские глаза, что выглядывали из-под одеяла. И «я скучал по тебе, хён», брошенное точно в спину. А еще – соджу с виноградным вкусом, которое привез с собой Тэён и которое они втроем пили до самого утра, сидя на веранде и смотря на темный лес вдаль.

– Если хочешь, можешь позвать Тэёна с Юбином. Я не буду против. – Чонхо спускает Куки с поводка, когда они заходят в квартиру. – Моему отцу так и в принципе нет дела до того, кто приедет.

– Они, скорее всего, со своими семьями, да и зачем мне... – Мингю замолкает, не договорив, ловит чужой взгляд и хмыкает. – Мог бы и сам позвонить. Или боишься, что они не захотят?

Настала очередь Чонхо хмыкать.

Мингю действительно звонит Тэёну. У того голос удивленный и немного озадаченный, но все равно веселый. Он вскользя говорит, что сейчас они с Юбином сидят в парке у реки Ханган, а Мингю рубит с плеча и говорит: «Чонхо зовет вас в загородный дом отдохнуть», ибо кто он такой, чтобы брать на себя всю ответственность. И почему-то на том конце провода звонко смеются, понимая, откуда ноги растут. А потом соглашаются, уточняя, куда и во сколько нужно подъехать.

По небу плывут рваные облака, пряча его за собой, когда они просыпаются рано утром. Собираются в спешке, потому что время хоть и раннее, но все равно уже опаздывают. Мингю наблюдает за Чонхо, который носится туда-сюда и смеется, надевая поводок на Куки. Ему ведь не нужно ничего собирать – только себя да телефон с зарядкой, а вот Чонхо нервно дергается из одного конца квартиры в другой, будто ему нужно упаковать вещи в месячную поездку куда-нибудь в Камбоджу, которая едва ли знакома с цивилизацией.

Когда они приезжают в автобусный терминал, Сонель, Юбин и Тэён уже давно там – точно под табло с расписанием. Стоят, толкаются и тычут пальцами в это самое табло, явно отпуская шутки, что ехать им придется на следующем автобусе. Кто бы мог подумать, что они почти окажутся правы.

Мингю не сразу понимает, почему Тэён делает страшное лицо, когда смотрит на него. Вспоминает вдруг про волосы

и невольно проводит пальцами по челке, которая наконец-то перестала лезть в самые глаза. Сонёль смеется и говорит, что «теперь нас обоих можно будет без труда отыскать в толпе». У Мингю от взгляда на него начинает болеть точно сверху и чуть сбоку. Кажется, там у людей сердце.

Свободных мест рядом почти не оказывается – только два, которые сразу же занимает Чонхо, садясь точно поперек. Мингю глядит на него как на идиота, а потом пинает чужие ноги, пробираясь к окну; Куки устраивается внизу, завалившись на его кеды. Ехать им совсем недолго – в принципе, можно было и на метро, но потом бы пришлось идти пешком около получаса. Ехать недолго, но проводить это время за разговором или в тишине не хочется совсем, поэтому Мингю залезает на Спотифай и создает короткий плейлист, который без долгих раздумий называет «*p.s.*».

Чонхо смотрит в его телефон и спрашивает, что это значит, но он лишь неопределенно качает головой и отворачивается к окну, стараясь игнорировать тот факт, что у него забирают второй наушник.

(Между ними – много, но почему-то так мало.)

За окном – привычные сеульские улицы, которые довольно быстро сменяются пригородом, а затем – зелеными полями. Мингю знает, что они будут зелеными еще очень долго, но сейчас почему-то так хочется сгореть в самом сердце ноября, что полыхает огнем осенних красок. Но когда листья гинкго во дворе его дома пожелтеют, он уже... Он уже дав-

но будет в том месте, которое и не должен был покидать. В этом году осень сожжет его по-настоящему. Лучше бы она не вспоминала, что сейчас ее пора.

Они высаживаются на небольшой станции, где делают остановки все междугородние автобусы, чтобы пассажиры могли размяться и купить что-нибудь поесть, и идут по небольшой дороге, которая уходит вбок, к небольшому пролеску. Мингю с подозрением смотрит по сторонам, понятия не имея, где они сейчас находятся, и тормозит от удивления, когда за редкими деревьями показывается коттеджный поселок на склоне холма. Дома выглядят так, словно стоят кучу денег и построены для столичных звезд, которые приезжают сюда ненадолго спрятаться от мира. Куки радостно тьявкает, натягивая поводок, который был вручен Тэёну.

– Ничего, что мы так целой толпой завалимся? – Сонёль, очевидно, начинает нервничать, что для него как минимум странно.

Они идут в гору вот уже десять минут, и Мингю совсем немного хочется умереть. С этими сигаретами дыхалка совершенно ни к черту.

– Если бы с этим были какие-то проблемы, я бы вообще поехал один. – Чонхо кривит губы в подозрительно злорадной усмешке. – Расслабься, я не думаю, что отец вообще запомнил, что ты разбил ту статуэтку в прошлый раз.

А, так вот в чем дело. Мингю не сдерживает тихого смешка, когда смотрит на сморщенное лицо Сонёля.

Они сворачивают с главной дороги и через какое-то время останавливаются перед трехэтажным коттеджем с огромной террасой и закрытым навесным балконом на самом верху. Курить на нем ночью и смотреть на весь коттеджный поселок с вершины холма, наверное, здорово. Самый лучший ночной вид, который Мингю видел за всю свою жизнь, – Сеул, но не с вершины Сеульской башни, а недалеко от ее подножия, с небольшой обзорной площадки, которую легко пропустить, когда ты спускаешься вниз по бесконечным лестницам. Сеул с высоты птичьего полета прекрасен, но будто бы за пределами далека, а на той площадке казалось, что руки распахни – и сможешь весь город обнять.

– Я приехал! – с порога кричит Чонхо, когда заходит внутрь дома.

Они вчетвером замирают в дверях, толкая друг друга плечами, – до тех пор, пока Мингю, истошно закатывая глаза, не заходит в дом следующим. Он разглядывает зеркала в прихожей и тапочки, выстроенные в ряд около входной двери, и все это навеивает давно потерянные воспоминания.

По лестнице, берущей свое начало точно рядом с прихожей, спускается мужчина в деловом костюме. Мингю бы не дал ему на вид больше тридцати пяти – ни одной морщины на лбу, гладкая кожа, аккуратно зачесанные назад волосы. И весь вид кричит о состоятельности.

– Да, конечно, я понял вас. – Мужчина зажимает мобильный телефон между ухом и плечом, закатывая рукава рубаш-

ки, как вдруг находит взглядом Чонхо. – Завтра, хорошо. Я перезвоню вам чуть позже. – Он отключает телефон и улыбается. – Не слышал, как ты зашел. Иди сюда. – Спускается с лестницы и крепко обнимает Чонхо, который замер у самого ее подножия. – Смотрю, ты с друзьями приехал.

Все дружно кланяются – кроме Мингю, который жутко тормозит, засмотревшись на чужое лицо, потому что – нет, серьезно, так бывает? Чтобы отец выглядел так же молодо, как и сын?

– Ты прости, тут такое дело, – мужчина явно чувствует себя неловко, – кажется, мне нужно уехать.

– Кажется? – Чонхо вздрагивает, и настолько сильно, что это замечают все. – Ты только что вернулся.

– Да, но... Есть кое-какие дела, которые нужно решить, и...

– Хорошо, я понял. – Он резко меняется в лице. Мингю сбоку видит, как ломаются чужие губы, показывая широкую улыбку. – Ничего страшного. Напиши, как доберешься.

– Прости, я понимаю, что...

– Все в порядке, не переживай. – Чонхо громко ставит свой рюкзак у подножия лестницы, не переставая широко улыбаться. – Мы найдем, чем заняться.

– Да, да. – Мужчина кивает, подходит ближе, тянет руку к Мингю, но вдруг передумывает в последний момент и неловко приобнимает его одной рукой, отчего тот растерянно вздыхает. – Давно тебя не видел. Вы тут не скучайте, –

добавляет он в конце и присаживается на корточки, чтобы почесать корги за ухом; собака расстроено скулит.

Мингю кажется, что он чувствует себя нехорошо: когда смотрит, как отец Чонхо подхватывает портфель несколькими минутами позже и покидает дом, как сам Чонхо роняет свою улыбку так, что та вдребезги разбивается, стоит отцу исчезнуть из виду, как тускнеет лицо Юбина, которого начинает тормозить Тэён. Как Сонёль ломано улыбается, спрашивая, какую из комнат можно занять.

Ему нехорошо. Ему отвратительно. Ему хочется встряхнуть Чонхо и прокричать ему в лицо, что все нормально, что так бывает и «ты сам это понимаешь». Но Мингю ничего не делает – только сжимает лямку рюкзака и тупит взгляд, пытаясь вспомнить про себя, как пахнут персики. Как пахнет в месте – родном доме, – где тебя всегда ждут.

– Слушайте, тут много комнат, можете любые занять. – Чонхо достает из заднего кармана джинсов телефон и тянет губы в очередной улыбке. – А пока, если вы не против, мне нужно кое-что сделать. Там в баре на кухне есть пиво, можете открыть, а я скоро вернусь.

Он начинает подниматься по лестнице; исчезает где-то наверху, так ни разу и не оглянувшись.

– Хуже всего то, что это не впервые, – вздыхает Сонёль, а Мингю от неожиданности роняет свой рюкзак.

– О чем ты?

– Чур моя комната та, что крайняя слева на втором эта-

же! – скидывает руку Юбин.

– Да пошел ты, я не пойду в соседнюю, – возмущается Тэён.

– Тогда вместе спать будем. А ты помнишь, что я пинаюсь как сраный тюлень.

– Да идите вы оба куда-нибудь, – возмущается Сонёль. – Пойдем собаку выгуляем пока. – Он дергает Мингю за рукав, в то время как тот все еще растерянно стоит посреди гостиной, не зная, куда себя деть.

Он все еще думает, что ему нехорошо. Все еще пытается отделаться от прилипчивого ощущения, будто горло подпирает тошнота. Мингю глядит на подножие лестницы, ведущей на второй этаж, смотрит выше, вспоминает Чонхо. И ему нехорошо – правда. Ему хочется исчезнуть в ванной и побыть там половину вечности.

Мингю потерял все: родителей, бабушку, вырастившую его, учебу в университете, которая пророчила безбедное будущее, потерял веру в себя, цели, мечты. Самого себя потерял. У Чонхо есть друзья, которых он пытался оттолкнуть, но которые все еще рядом, у него есть живые мать и отец, есть все тот же университет и настоящая взрослая жизнь. У него есть все, о чем Мингю когда-либо мог мечтать: близкие, понимание, стремления. Даже деньги есть, которые могут исполнить любой каприз.

Мингю смотрит на себя и думает: «Пусто». Мингю смотрит на Чонхо и думает: «Так же».

Ты видишь человека, что кажется тебе полным со всех сторон, ты видишь человека, в котором до краев, в нем много этого и другого, там бездна целая. Но потом понимаешь вдруг, что даже у тех, кто выглядит полным и целым со стороны, внутри зияет все та же дыра, что так красиво резонирует с твоей собственной.

Чужая боль – твоя собственная боль. Та самая, которую ты игнорируешь, выставляешь на всеобщее посмешище.

Нет боли сильнее. Нет той боли, что будет ощущаться меньше. Боль – это боль.

(Каждый хоть раз в своей жизни хотел стать кем-то для кого-то, но почему-то не стал.)

– Давай туда свернем, – говорит Сонёль спустя пару минут молчания после того, как они покидают дом.

– Ты ведь был здесь уже? – нехотя отзывается Мингю.

– Да, пару раз. Мы тут как-то гуляли вместе с Юбином после того, как вы с Тэёном... – Сонёль жуёт слова и явно не желает заканчивать предложение, а Мингю *ненормально*.

После того, как *что?* Ссорились? Ему не хочется уточнять.

Они идут около пяти минут в тишине, и когда Мингю собирается спросить, куда и зачем они направляются, Сонёль останавливается, начиная звонко смеяться. Мингю смотрит вперед и теряется – на пару долгих секунд, которые замешивают кислород в его легких в самый настоящий пиздец.

Перед ними – широкое поле.

Оно зеленое. Оно настолько зеленое, что этого цвета хватило бы до конца жизни. Мингю вздыхает тихо и морщится, когда точно в сердце колет уже высказанным, но все равно глубоко спрятанным. Не успевает даже руку вскинуть с неммым вопросом в глазах, как Сонёль срывается с места и бежит вперед, оставляя Мингю позади. Он целую минуту стоит, не двигаясь, наблюдая за тем, как тот, нахрунув пару кругов вдаль, падает прямо на землю, раскинув руки.

Мингю делает глубокий вдох, прежде чем наклониться вниз и снять поводок с Куки, который все это время нетерпеливо подпрыгивает на месте. Смотрит вслед убегающей собаке и сам делает первый шаг. Медленно подходит к Сонёлю и глядит на него сверху вниз, загораживая спиной солнце. Тот улыбается и тянет к нему руку, в которой зажат криво сорванный цветок космеи.

– Присоединишься?

– Определенно, да, – не может не улыбнуться Мингю в ответ, забирая из чужой руки цветок.

Они лежат рядом и молчат, слушая фырчание Куки, который носится вокруг них и то и дело катается по траве. Мингю глядит на небо, на котором сейчас ни единого облака, и чувство такое, что этот сиреневый цвет наполнил его изнутри до самых краев. Он мнет стебель космеи меж пальцев и поднимает руку, поднося цветок к лицу. Ярко-розовые лепестки удивительно контрастируют с небом, но в то же время смотрятся до абсурда гармонично.

(Инородный пазл, обреченный быть лишним, может оказаться тем, которого всегда не хватало.)

– Как думаешь, – Мингю сглатывает, – могли бы где-то на другом конце Вселенной быть такие же мы, точно так же лежащие на поле?

– Почему нет, все возможно. – Сонёль коротко смеется. – Уверен, что в другой жизни мы с тобой тоже бы были знакомы.

Мингю поворачивает голову, чтобы бросить на него короткий взгляд. Думает, что все это – слишком. Что вся жизнь последние три недели – это *слишком*.

– И как бы мы познакомились? – Он переводит взгляд обратно на небо; точно над ними проплывает крошечное облако.

– Не знаю, но точно не в университете. Думаю, и у тебя, и у меня в тот момент мог быть сложный период, а мы бы помогли друг другу.

Сонёль подкладывает под голову сложенные руки. Мингю кожей чувствует его улыбку, чувствует ее в воздухе. И кажется, что еще немного – и он заплачет.

– В другом мире Тэён был бы еще более дотошным и временами раздражающим, Чонхо – младше на несколько лет, а ты... – Сонёль приподнимает голову и глядит на него, после чего смеется, – а ты был бы таким же, как сейчас.

Мингю прикрывает глаза. Хочет потерять переносицу, но удерживается. Точно под ребрами расплывается что-то неве-

роятно горячее и совершенно необъятное.

– А еще в том мире небо другого цвета.

Сонель забирает у него из рук космею, заставляя вздрогнуть и открыть глаза. Он нюхает цветок, оставляя на своем носу едва заметный след желтой пыльцы, и усмехается.

– Да, наверное. Но даже в другом цвете небо осталось бы небом – все таким же красивым.

Несмотря на то, что земля под ним холодная, Мингю чувствует тепло. И физическую потребность жить вопреки всему.

Солнце находится в зените, когда они покидают поле и возвращаются на центральную дорогу коттеджного поселка. Слишком жарко для конца сентября – хочется снять рубашку и остаться в одной футболке, а еще лучше сесть в тени одного из деревьев в саду с бутылкой холодного пива. Куки тяжело дышит, высунув длинный язык, и не спешит забегать вперед – неспешно бредет рядом, то и дело останавливаясь, чтобы понюхать траву у дороги.

Мингю не знает, сколько они провалялись на том поле, разговаривая о вещах далеких и близких одновременно, но, судя по тому, насколько замерзла спина за это время, точно не меньше часа. И странным было то, что холод вдоль позвоночника он почувствовал, лишь когда поднялся на ноги.

Сонёль, в отличие от него, решил не мелочиться и снял рубашку еще на поле, и та теперь болтается у него на поясе. Мингю смотрит на чужие красные волосы и замечает в них желтый лепесток какого-то цветка. Коротко смеется и думает, что Сонёль действительно будет носить солнце с собой даже в пасмурную погоду. Это странно – идти бок о бок с человеком, который вроде бы и твой, но в то же время совершенно чужой. Странно говорить с ним и находить отклик, заглядывать в чужую душу и понимать, что для тебя она – нараспашку. Странно понимать, что человек был в твоей жиз-

ни, но исчез.

(Чтобы появиться снова, а затем вновь пропасть.)

– Вы вдвоем слишком яркие, – выдает Тэён, когда они заходят на кухню. – Я буду долго привыкать.

Мингю хочет ответить что-нибудь – с сарказмом таким, – но останавливается. Усмехается криво, потому что вслух сказать «привыкать не придется» не может никак. Или просто не хочет.

Тэён с Юбином сидят за обеденным столом – оба уже давно переоделись в другую одежду и раскрасили свои щеки румянцем от выпитого алкоголя. Сонёль недовольно цокает, смотря на две пустые бутылки пива на столе.

– Еще не вечер даже, а вы уже начали.

– Ну, Чонхо же сказал, что на кухне есть пиво.

– И вы восприняли его слова за призыв к действию?..

– Он спускался? – прерывает Мингю Сонёля.

Тэён с Юбином переглядываются, и второй отрицательно мотает головой. Мингю хочется выругаться, но вместо этого он сдержанно кивает и выходит с кухни, сопровождаемый чужими внимательными взглядами. Останавливается у подножия лестницы и смотрит вверх. В голове ни единой мысли – там чертов ветер завывает в поисках бреши. Но брешь почему-то не в голове находится, а в сердце, где ноет потребность подняться по этой лестнице и *найти* – найти и сказать, что все будет хорошо.

Такие глупые слова. Мингю никогда их не любил. «Все

будет хорошо» – а мир рассыпается на части. «Все будет хорошо» – а так хочется сдаться прямо сейчас и плыть по течению мертвой рыбой. «Все будет хорошо» – а ты просто не можешь поверить в это. Пустые слова, что не находят отклика в сердце, которое опустело еще до того, как их произнесли.

Глупые и пустые слова, в которые не верилось никогда, но почему-то хочется сейчас.

Поднявшись по лестнице, Мингю смотрит сначала в одну сторону коридора, потом в другую. Не знает, в которой комнате Чонхо, поэтому идет наугад – вправо, до самого конца. И чувство такое, будто петлю на шею накинули, – как тогда, почти три недели назад, когда он стоял перед зеркалом за несколько мгновений до того, как оказаться в другом мире.

Дверь в крайнюю комнату слегка приоткрыта – лишь маленькая щель, но Мингю этого хватает, чтобы понять, что Чонхо там. Он заглядывает внутрь и видит его сидящим на кровати спиной к дверному проему. Мингю несколько секунд смотрит на чужой силуэт на фоне незашторенного окна, обреченно вздыхает и закрывает за собой дверь. Обходит кровать и садится рядом. Чонхо не поворачивает голову в его сторону, как не сделал этого еще в самом начале, – продолжает тонуть взглядом где-то за склоном холма.

Мингю чувствует себя кретином. Он никогда не умел поддерживать – особенно словами. Никогда не мог рассеять чужую печаль хотя бы на короткий миг. Никогда даже не пы-

тался, потому что всегда думал, что не получится. Но сейчас, сидя рядом с Чонхо и смотря туда же, куда и он, ему безумно хочется попробовать. Так, блядь, хочется, но в голове лишь пустота без конца и края.

Чонхо протягивает ему свой телефон, который все это время держал в руках, и Мингю с откровенным непониманием берет его.

– Я матери позвонил. – Слышит он и опускает взгляд на черный экран смартфона. – Ты был прав. Давно было надо это сделать.

– И как?

Ответом Мингю служит легкая улыбка, в которой про-
скальзывает грусть.

– Хорошо. – Чонхо переводит взгляд обратно в окно. – Она с семьей переехала в Пусан около года назад. Недавно отправила младшую дочь в первый класс. Звала приехать в гости.

– А ты что?

– А я согласился. Не знаю, правда, когда получится, но...

Мингю улыбается – широко и искренне. Ему тепло настолько, что вдоль ребер огнем почти. Но вместе с этим и больно почему-то. Он бы хотел съездить в Пусан вместе с Чонхо.

– Можешь пообещать мне кое-что?

– Сначала я должен узнать, что это.

– Больше никогда, – Мингю заглядывает ему в глаза, – не

думай, что ты один.

– Но я не... – Чонхо запинается. Не продолжает дальше – усмехается на выдохе, опуская взгляд.

– На кухне сидят Тэён, Юбин и Сонёль. Твои друзья. Вы через много нехорошего прошли вместе, но они все еще здесь, – продолжает он, – и они никуда не собираются уходить, как твой отец. И я... – Теперь замолкает Мингю, потому что закончить фразу не может физически.

«И я тоже», – должен сказать он. «И я тоже», – хочет сказать он, но слова эти трещат по швам. И воздуха не хватает.

– Соври, – тихо просит Чонхо.

Мингю кусает щеку изнутри, зажмуривается изо всех сил – на две секунды – и смотрит на него. Хочет, чтобы голос звучал решительно, но не выходит:

– Я не могу тебе врать.

Чонхо на взгляд его отвечает, но вроде бы и нет – смотрит сквозь, вглубь куда-то, но не Мингю, а себя самого. И там словно пусто все еще, чего быть не должно. А у Мингю – у него в этот самый момент внутри целый океан. Необъятный, как вся эта боль, соленый, как слезы непролитые. У него, черт возьми, взрывом гремит сверхновая на месте сердца, которой бы самое время черной дырой стать, в которой сгинул и боль необъятная, и слезы соленые. А еще – двадцать пять лет до.

Мингю кладет телефон на покрывало позади себя, опирается одним коленом о кровать и тянется вперед. Обхватыва-

вает ладонью чужой затылок и прижимается с такой силой, словно хочет поделиться взрывом внутри. Понимает вдруг спустя мгновение, что с Чонхо делиться не нужно – у того и так горит все внутри, а сам Мингю – спичка, из-за которой начался этот пожар.

Его хватают за ворот рубашки, тянут на себя, обнимают обеими руками. И чувство такое, словно ты сейчас не то на части рассыплешься, не то наконец-то целым станешь.

Чонхо отстраняется, заглядывает Мингю в глаза, смотрит долгие несколько секунд, склоняет голову и шумно выдыхает. А Мингю берет его руки в свои и смотрит в потолок. У него под пальцами на чужом запястье пульсом бьется смысл жизни. Быстро-быстро. Торопится быть услышанным. Торопится стать смыслом на двоих.

Осознание неизбежного, которое он пытался игнорировать, окончательно топит его в себе.

– Когда я слышу, как бьется твое сердце, мне хочется жить, – тихо говорит Чонхо, а у Мингю это самое сердце просто останавливается.

(Это неправильно.)

Он все еще смотрит в потолок, все еще сжимает чужие запястья. Чувствует, как один смысл перекрывает другой, а внутри – начинается война, которую не переживет никто.

Чонхо поднимает голову в попытке рассмотреть выражение его лица, но Мингю застывает, боясь даже моргнуть. Чувства сочатся через невоскрытые раны, мажут мутно-крас-

ным по светлой коже, скребутся по артериям. У него на языке – лишь глупые буквы, которые складываются в слова, которые должны были помереть задолго до.

– Мингю.

Он смаргивает пелену перед глазами и переводит взгляд на Чонхо. У того на лице – искренний испуг, который болезненно сильно контрастирует с *тем самым*, во имя чего внутри Мингю началась война. Но ведь никто не выживет, правда. Это чувство – тоже. Его *не должно* было быть.

Кто-то стучится в дверь, и Мингю приходит в себя с такой скоростью, с какой никогда не приходил, – отталкивает от себя Чонхо одним резким движением, сползает с кровати, на ходу приглаживая волосы. Не особо помогает.

В дверном проеме показывается голова Сонёля:

– У вас тут Нарния? Сначала один пропал, потом другой. – Он с любопытством переводит взгляд с Мингю на Чонхо. – Все нормально?

– Да. – На губах второго играет улыбка. – Пойдемте мангал из гаража вытащим, в холодильнике есть мясо.

Несмотря на утренние события и долгое отсутствие Чонхо, атмосфера не кажется странной. Со стороны. Потому что Мингю сидит будто на чертовых иголках и смотрит куда угодно, но никак не на хозяина дома, хотя этого никто либо просто не замечает, либо не хочет замечать.

Они действительно вытаскивают из гаража мангал, в то время как Тэён режет мясо на кухне – Мингю через окно на

террасе видит, как тот пританцовывает на месте, напевая какую-то песню, и во второй раз за сегодняшний день вспоминает ту поездку за город двухгодичной давности. Кажется, Тэён тогда тоже отвечал за еду. И это хорошо, потому что он бы себе либо палец отрезал, либо зажарил несчастное мясо до чернящих угольков.

Всем на удивление быстро находится занятие, кроме Мингю, который сидит на раскладном кресле на террасе и пьет пиво, про себя задаваясь вопросом, насколько глупо сейчас выглядит его бесстрастное лицо, на котором время от времени мелькают странные эмоции, выбивающиеся из общей картины. Сонёль раскладывает продукты на столе рядом, ходит туда-сюда – до кухни и обратно – и постоянно задевает его ноги, но Мингю даже на это не реагирует, хотя в привычной ситуации абсолютно точно откусил бы лицо.

– Держи, – Юбин протягивает ему железные щипцы для мяса, – будешь помогать.

Он глядит на чужую руку и нехотя поднимается, чтобы поставить уже почти пустую бутылку на стол рядом. А так хотелось прикинуться камнем и просидеть бездвижным пару столетий.

– Как у тебя дела?

– В смысле? – Мингю хмурится, забирая щипцы.

– Не знаю, – честно признается Юбин. – В прямом? Все время думаю, каково это.

– Ты про... – Он возводит взгляд к потолку террасы в по-

пытке отыскать на нем конец предложения.

Юбин собирается продолжить, но резко захлопывает рот, когда на террасу выходит Сонёль, который ставит у стены еще три раскладных стула и заходит обратно в дом.

– Он же не знает, да? – шепотом спрашивают у Мингю.

Тот тихо вздыхает и морщится. Не хочет признавать вслух, что хотел бы рассказать все Сонёлю, но слишком боится его реакции – не на ситуацию даже, а на себя самого. Не хотелось бы, чтобы к нему начали относиться по-другому.

– Судя по всему, не знает, – Юбин верно читает выражение его лица, – и это странно, честно говоря.

– Почему? – Мингю смотрит в окно, находит взглядом Тёна, который складывает порезанное мясо на огромную тарелку, и Сонёля, что вертится рядом с ним.

– У него соображалка работает лучше, чем у всех нас, вместе взятых. То есть... – Юбин цокает языком и глядит в сторону сада, – может, этого и не видно, но Сонёль чует подвох за километр.

– Ты тоже его почуял, но все равно не догадался, – усмехается Мингю, – если у него и есть какие-то подозрения, он все равно не найдет им объяснения. Сам понимаешь, что дойти головой до такой вот правды практически невозможно.

– Наверное, – соглашаются с ним. – Знаешь, я все хотел сказать тебе, – Юбин выглядит неуверенным, – по поводу всей этой ситуации с обменом. Это, конечно, только мои догадки, я их даже Тёну не озвучивал, потому что мне кажет-

ся, что это безосновательные мысли и...

– Что? – прерывает его Мингю.

– Я думаю, что дело не в новолунии.

Он пару раз сжимает и разжимает щипцы, вслушиваясь в металлический звук. Пропускает эту фразу через себя один раз, два.

– А в чем тогда?

Юбин проверяет через окно, что никто пока не собирается выходить на террасу, и переводит взгляд обратно на Мингю.

– Помнишь, мы размышляли на тему, почему обмен произошел именно между нашими мирами? Ну, если учесть теорию, что похожих миров тысячи и все такое.

– И?

– И я тогда высказал предположение, что дело вовсе не в наличии чего-то вроде зеркала, а в его отсутствии.

– Хотел бы я понимать, что ты имеешь в виду, но... – Мингю с трудом удерживается от того, чтобы почесать щипцами затылок.

– Может быть, вы поменялись местами не из-за удачного стечения обстоятельств в виде ночи, дождя и новолуния, а просто потому, что так было нужно. – Юбин открывает крышку, когда видит в окно, как Тэён подхватывает блюдо; ему в лицо валит дым, и он пару раз кашляет. – Это просто мои мысли, не более.

Просто потому, что так было нужно. А обратно? Как Мингю вернется обратно, если новолуние здесь ни при чем?

Тоже тогда, когда это будет необходимо?

На террасу выходит Чонхо с огромным пакетом, в котором звенят бутылки, и широко улыбается.

(Такой необходимости нет.)

Мингю отворачивается, упирается взглядом в щипцы в своих руках. Было бы здорово ими из себя все непрошенные эмоции вытащить. Раскалить их на открытом огне, в пепел превратить.

(Он не просил об этом.)

Когда они с Юбином выкладывают первую порцию мяса на противень и закрывают крышку, все уже сидят за столом, на котором, честно говоря, бутылок больше, чем еды, – Мингю не сразу находит ту, которую не успел допить. Возвращается обратно к мангалу и стоит перед ним, устремив взгляд в сторону ворот. Отсюда не видно склона холма, а так хотелось бы опять на него взглянуть.

– Эй.

Он вздрагивает и чуть не роняет бутылку, но Чонхо ловко подхватывает ее. Протягивает обратно, а Мингю вдруг осознает, что его щеки начинают краснеть, когда их пальцы соприкасаются на поверхности этой чертовой бутылки. Осознает и думает, типа, *иисус христос, что за хрень*. Сердце мгновенно реагирует на эту мысль и отвечает громким ударом, который чувствуется в самом горле.

– Знаете, вы какие-то... – с задумчивым выражением лица начинает Сонёль, но явно не может подобрать нужного

слова.

– Неловкие, – заканчивает за него Тэён, и его голос звучит немного комично из-за того, что произносит он это точно в горлышко бутылки.

– Да, неловкие, – ритмично кивает Сонёль, а Мингю мысленно желает, чтобы у него голова отвалилась, как у того китайского болванчика в машине Санхёна.

– Ага, прямо как ты в нашу первую встречу, когда чуть не затушил сигарету о мою куртку. – Мгновенно реагирует Чонхо с усмешкой.

– Но не затушил ведь!

Мингю шумно выдыхает, понимая, что не дышал все это время.

Через два часа, когда не остается ни мяса, ни того, что еще было на столе, начинает стремительно темнеть. Небо – чистое, прозрачное. И только где-то вдали, за поселком, часть которого видно за воротами, в последних закатных лучах плывут зеленоватые облака. Мингю провожает их взглядом и невольно дотрагивается до своих волос.

Окурков в пепельнице на столе так много, что та похожа на ежа, и Мингю без подсчетов может сказать, что половина принадлежит ему. Он сидит между Юбином и Сонёлем, пьет уже третью бутылку пива и не может перестать дергать плечами, потому что постоянно чувствует на себе внимательный взгляд. Несложно догадаться, кому он принадлежит. Догадаться несложно, а вот ответить на него – очень.

Когда окончательно темнеет и за пределами террасы, на которой горит свет, становится почти ничего не видно, Мингю достаточно пьян, чтобы позволить себе наконец расслабиться – как тогда, на поле, – и даже начать улыбаться в ответ на глупые шутки Сонёля, которого унесло в далекие дали еще после второй бутылки. За это время они успевают перемыть кости всем однокурсникам (Мингю не участвует – только слушает), обсудить последние фильмы и даже поспорить на тему того, какая поп-музыка лучше.

И кажется уже, что ты со словом «странно» – по жизни. Станные чувства, странные мысли, странные ощущения. Далекие, но близкие, чужие, но родные. И все это уже не странно – все это «привычно».

В какой-то момент Чонхо легонько пинает его под столом, одновременно с этим рассказывая что-то Сонёлю, а Мингю уже не может и просто *смотрит*. И так не к месту вспоминает, как его так же пинали под столом года три назад – от обиды, потому что отругал и посадил делать домашнее задание. И не то чтобы от воспоминания этого неловко становится, но Мингю с ужасом понимает, что все произошедшее в этом мире наложит сильный отпечаток на мир *другой* – его.

Как ему теперь смотреть на ребенка, который ему как младший брат? В глаза смотреть – как? После того, как он просто взял и...

– Я скоро вернусь. – Мингю поднимается из-за стола.

В ванной на первом этаже мигает лампочка. Он умывается

один раз, два, низко склоняет голову, наблюдая за тем, как вода исчезает в сливе. В нее падает капля чего-то красного. Мингю непонимающе моргает и закрывает кран; следующая капает уже на белую поверхность раковины, сразу становясь разводами.

Он дотрагивается до верхней губы и смотрит на пальцы. У него идет кровь из носа. Мингю резко поднимает взгляд к зеркалу, окончательно убеждаясь в этом.

– Твою мать.

Он достает сразу несколько салфеток из коробки на полке, комкает, прижимает к лицу, про себя проклиная все на свете. Садится на край ванны и запрокидывает голову, чуть не навернувшись назад, потому что картинка перед глазами резко начинает плыть. Мингю их закрывает и все-таки соскальзывает в ванну, больно ударяясь копчиком, а потом еще и затылком.

Салфетки стремительно пропитываются кровью, но у него нет сил подняться и взять еще. Вместо этого он тихо смеется, по ощущениям плавая где-то в пространстве.

(Между мирами.)

Сначала головокружения, потом обмороки. Теперь это. Мингю смеется громче и заходится кашлем, потому что кровь стекает по гортани. Сплевывает в салфетку и со смешком думает, мол, *что дальше?*

Кровь останавливается через несколько минут, и за это время он успевает раз пять порадоваться тому, что ушел с

террасы. Это никому не нужно видеть. Мингю смывает с поверхности раковины капли крови, тщательно умывается и спускает салфетки в унитаз. Идеальное преступление, как сказал бы Тэён.

В коридоре в потемках он наталкивается на Чонхо – просто сразу понимает, что это он, потому что как иначе. Резко отступает, прикрывая лицо ладонью, потому что умудрился впечататься носом точно в чужую челюсть – не дай бог опять кровь пойдет.

– Я тебя потерял.

– Нашел. Пойдем. – Мингю огибает его.

– Слушай, мне кажется или ты меня избегаешь? Я что-то не то сказал? – Чонхо хватает его за локоть.

«И сказал, и сделал, – все для того, чтобы я оказался в этом дерьме», – хочется орать Мингю, но он только сдержанно пожимает плечами, на всякий случай осторожно шмыгая носом.

– Тебе кажется.

Вернувшись на террасу, первое, что он видит, – Тэён с зажатой в руках пустой бутылкой из-под пива, причем выглядит это так, будто он этой самой бутылкой собирался кому-то заехать по лицу. Второе, за что цепляется взгляд, – железная палочка для еды, которую Сонёль держит точно над пробкой, которая выглядывает из горлышка бутылки вина.

– Вы идиоты, что ли?

– Я пытался их отговорить от этой затеи, но как видишь. –

Юбин смеется (хотя скорее задыхается), и его щеки красные-красные.

– Мы не нашли штопор, – объясняет Тэён с серьезным лицом.

– Вы идиоты? – снова спрашивает Мингю.

– Идиоты, – вздыхает Чонхо.

Штопор находится на кухне рядом с микроволновкой, но Мингю сначала не хочет его отдавать – перспектива посмотреть на то, как Тэён будет пытаться протолкнуть железной палочкой пробку внутрь бутылки с вином, изрядно веселит, но это скорее всего закончится ненужными травмами (и психологическими, и физическими), поэтому штопор все-таки применяют по назначению.

Пить уже не хочется – алкоголь из мозгов наполовину выветрился, и голова начала побаливать, – но Мингю все равно с упрямым видом наливает себе полный бокал вина, игнорируя возмущение Юбина, который оскорблен до глубины души («Надо наливать немного и поболтать, чтобы вкус вина раскрылся!» – «Ты уже слишком пьян для этого»).

От вина голова начинает гудеть сильнее, и через час Мингю уже почти готов сдаться и уйти спать. Даже поднимается из-за стола, но застывает на полпути, потому что слышит, как по крыше террасы ударяет несколько крупных капель. Он смотрит на улицу, подходит к перилам и перевешивается через них. Оглядывается на Чонхо с немим ужасом в глазах.

– О, дождь пошел. – Сонёль тоже подходит к перилам и

вытягивает руку, ловя несколько капель.

– Сколько времени?

– Первый час ночи уже, – отвечает тот, проверяя наручные часы.

Мингю дергается в сторону входа в дом, останавливается, резко меняет траекторию, хочет выбежать на улицу и как минимум навернуть пару кругов вокруг от невозможности сообразить, что делать в такой ситуации, но его хватает за рукав Юбин.

– Тихо, не кипишуй.

Он достает из заднего кармана джинсов телефон; Мингю наблюдает за тем, как Юбин находит чей-то номер в списке контактов и нажимает на вызов.

– Чувак, привет, я тебя не разбудил? А, ну извини. – Он кивает. – Слушай, тут такое дело... Странно прозвучит, но ты можешь выглянуть на улицу? Господи, просто выгляни! – Юбин закатывает глаза. – Дождь идет? Да не вопи. Не идет? Все, окей, спасибо. – Он сбрасывает вызов и поднимает взгляд на Мингю: – В вашем районе тихо.

– Кому ты звонил?

– Нашему однокласснику. Он рядом с вами живет.

Сонёль громко кашляет.

– Я, конечно, дико извиняюсь, но... Мне кто-нибудь объяснит, в чем дело?

Чонхо залпом допивает остатки вина в бокале и поднимается из-за стола.

– Давайте спать расходиться. Завтра тут все приберем.

Покидая террасу, Мингю чувствует на своем затылке внимательный взгляд, но обернуться не решается – только нервным жестом накрывает татуировку на запястье, и так скрытую рукавом рубашки. Он вообще ничего не решается сделать – даже отмахнуться и все свести к шутке или тому, что они просто пьяные. Ему не хочется ничего объяснять. Ему не хочется объясняться. Все, что он чувствует, – лишь вселенская усталость из-за всех этих отвратительных эмоциональных горок.

– Если продолжишь столько пить, небо упадет тебе на голову, – слышит Мингю и спотыкается о собственную ногу. Оглядывается.

Юбин стоит в дверном проеме, подперев руками бока, и угрюмо смотрит на Тэёна, который как раз в этот момент прикладывается к бутылке соджу, которую не то с собой привез, не то спер из холодильника еще несколько часов назад.

– Я не хочу спать, – обиженно тянет он.

Мингю растерянно моргает, все еще стоя у подножия лестницы и держась одной рукой за перила, и наблюдает за тем, как Юбин отбирает у Тэёна бутылку и залпом допивает остатки, после заходясь кашлем.

– А теперь топай спать.

Тэён, который уже давно далек от трезвости, обиженно дует губы и, слегка пошатываясь, идет к лестнице. Проходит мимо Мингю, громко сопя, поднимается вверх.

– Спокойной ночи, – бросает Юбин, тоже покидая холл, а Мингю так и стоит с глупым лицом, отчаянно хмурия брови.

Пытается поймать ускользающую мысль, какое-то утраченное среди воспоминаний ощущение, но не может. Он берет рюкзак, который оставил в гостиной еще с утра, уходит в уже знакомую ванную на первом этаже, торчит там максимально долго – волосы наполовину успевают высохнуть после душа, пока он сидит прямо на холодном кафельном полу и вертит в руках телефон. Свой телефон. Батарея давно села, а поставить мобильник на зарядку он не решается. Как и ответы получить.

В коридоре на втором этаже ни черта не видно. Мингю вглядывается в темноту, только сейчас понимая, что не знает, куда ему идти. Он медленно шагает вперед, морщась от тихого скрипа паркета под ногами, и останавливается перед приоткрытой дверью в спальню Чонхо. Вспоминает чужие слова, что комнату можно занять любую, но все равно мнется на пороге долгую минуту, прежде чем развернуться и пойти куда глаза глядят – во всех смыслах.

Не успевает. Дверь резко открывается, и его хватают за руку и затаскивают внутрь комнаты. Чонхо стоит перед ним, блестит своими черными глазами в темноте. Наклоняется и забирает из рук рюкзак, который Мингю зачем-то притащил с собой.

– Хватит бродить и ложись спать. Ты слишком громкий.

– Но я же даже не делал ничего, – возмущается Мингю.

– Я твои шаги на первом этаже с другого конца дома слышал.

Мингю сглатывает; надеется, что этого не видно было, но взгляд Чонхо все равно устремляется на его шею, а затем – обратно в глаза.

– В какую комнату я могу пойти?

– Спи здесь.

– Я не хочу спать с тобой.

Мингю даже в потемках видит, насколько выразительно на него смотрит Чонхо – эта чертова выразительность буквально повисает в воздухе неозвученными словами, до краев переполненными двусмысленностью.

– Да в чем, блядь, проблема? То ты сам на меня вешаешься, а теперь стоишь с таким видом, будто я в следующую секунду сожру тебя.

– Я не вешался на тебя. – Голос звучит почти обреченно, будто Мингю не опровергает чужие слова, а, наоборот, подтверждает.

– Бесишь иногда пиздец просто. – Чонхо кидает его рюкзак на кресло и отходит к кровати, садится на нее с размаху. – Сначала говоришь, что не можешь мне врать, а потом берешь и делаешь это, когда я спрашиваю, что не так.

– Промолчать не значит соврать. – До тошноты не хочется продолжать этот разговор. Не хочется настолько, что Мингю готов лечь спать прямо тут, на пол, и свернуться калачиком.

– Промолчать о чем?

Он подходит ближе и пихает Чонхо обеими руками, снова и снова, пока тот не оказывается на другом конце кровати. Забирается на нее сам, заматывается в одеяло и делает вид, что не ощущает эти чужие волны негодования. Думает сначала, что Чонхо все-таки решит продолжить донимать его расспросами, но тот молча ложится рядом, повернувшись к нему спиной.

Спустя долгую минуту Мингю чувствует, как его довольно ощутимо пинают – от досады, видимо. Он морщится и делает то же самое. Ответки от Чонхо не следует, поэтому Мингю закрывает глаза, шумно вздыхая.

Если бы кто-нибудь сказал ему, что теперь делать дальше.

Он сидит на гладко застеленной больничной койке спиной к двери и таращится на задернутые жалюзи. В палате темно, но ему хочется, чтобы стало еще темнее – и чтобы ни один солнечный луч не проникал в помещение со стороны окна. Мингю прикладывает к бутылке соджу, которая стремительно пустеет, и коротко смеется с нотками истерики на выдохе.

Запястья нестерпимо жжет. Он знает, что на коже расплываются лиловые синяки – прямо как чертово небо на закате.

Внутри – пустота. Ничего совершенно, кроме звона, надрывающего уши изнутри, и сгустков тьмы в крови, которые мажут гарию по венам.

И так удивительно похуй на все вокруг. На себя – тоже. Сколько нужно выпить алкоголя, чтобы умереть от отравления? Ему хочется проверить.

Дверь за спиной открывается, и он слышит тихие шаги. Кто-то останавливается позади койки, но Мингю не нужно оборачиваться, чтобы понять, кто это. Слышится тяжелый вздох.

– Тебе нельзя тут быть.

– Еще бы мне было дело до этого.

– Мингю, – чужой голос кажется строгим, но он никак не реагирует, продолжая впиваться взглядом в жалюзи на окне, – иди домой.

– У меня больше нет дома.

За вторым вздохом опять слышатся шаги. Он моргает, когда окно перед ним загораживает женский силуэт. Смотрит на белый больничный халат и морщится – слишком ярко даже в потемках. Мингю отпивает из бутылки и усмехается: криво, горько. Девушка достает руки из карманов халата и подходит к окну, поднимает жалюзи. Он шипит, прикрывая глаза свободной рукой.

– Смотри, – она указывает на улицу, – мир все еще на месте.

– Да что ты понимаешь? – на повышенных тонах спраши-

вает он, убирая руку от лица. — Ни черта он не на месте!

— Может, и не понимаю, — девушка поджимает губы, — но мне, по крайней мере, не все равно.

— И что мне с твоего сочувствия? — Мингю кривится и отворачивает голову. — Оно мне семью вернет?

Она смотрит на него какое-то время, а затем переводит взгляд в окно. Думает о чем-то, судя по близко сведенным бровям, и теребит воротник белого халата с именным бейджиком сбоку. Мингю хочется, чтобы она ушла, но знает, что этого не произойдет — не сейчас. Значит, уйти должен он — и никогда больше не возвращаться.

— Не делай того, о чем потом пожалеешь, — говорит девушка, — не губи то единственное, что является главным напоминанием того, что она была в этом мире.

— И что же это? — едко интересуется он.

— Жизнь твоя, идиот. Ты думаешь, она была бы рада, видя то, как единственный родной ей человек живьем закапывает себя в могилу? — На Мингю смотрят так, что у него внутри (там, где пусто) что-то ухает вниз с размаху. Ухает, но он игнорирует это чувство — только с безучастным лицом в который раз отпивает из бутылки.

Девушка продолжает глядеть на него пронзительным взглядом, который царапает кожу, и даже не думает отвести его. Может, надеется, что достучится. Заранее провальная затея. Мингю начинает тихо смеяться, опуская голову так низко, что лица совсем не видно. Хочется подняться на кры-

шу этой больницы, сорвать там горло, крича во весь голос до тех пор, пока он не исчезнет, пока кричать даже нечем будет. А потом прыгнуть.

– Если продолжишь столько пить, небо упадет тебе на голову.

– Оно и так упало мне на голову, – тихо отзывается он.

К нему подходят, останавливаясь вплотную. Мингю не успевает никак среагировать прежде, чем у него отнимают бутылку. Он поднимает голову и смотрит на то, как девушка в несколько глотков допивает остатки соджу. Допивает и бросает бутылку в мусорку, которая стоит в двух метрах от. Попадает.

– Тебя уволят. – Он пытается сфокусировать взгляд, но тот расплывается, как капля бензина на мутной луже.

– Я всего лишь студентка магистратуры, которая проходит здесь практику, никто меня не уволит, – улыбается она ему. – А теперь иди домой и проспись.

Мингю почему-то уже не хочется уходить. Ему хочется лечь на эту больничную койку, застеленную свежим бельем. Слиться с ней. Перестать существовать. И не прислушиваться к чужим словам, потому что ему нет дела до своей жизни больше, какой бы ценной ее ни называли.

Его жизнь бесценна. Но не потому, что настолько важна и значима. Просто она – мусор.

Он долго лежит с закрытыми глазами, боясь лишний раз пошевелиться. Боль накатывает волнами, накрывает с головой и ехидно подмечает, что совсем скоро он захлебнется и просто помрет. Мингю открывает глаза и смотрит на входную дверь. Уже давно светло. Сколько страданий ему придется вынести еще, прежде чем он спустится на кухню и найдет там аспирин? И канистру с водой.

Он медленно садится и шурится, поворачиваясь к окну. Чонхо все еще спит, лежа к нему спиной. Мингю хочется засмеяться, но получается только какой-то хрип: если спит Чонхо, значит, все действительно плохо. Он максимально тихо слезает с кровати и, пару раз качнувшись, подходит к рюкзаку. Достает из него свой старый телефон и зарядку, садится на пол, опершись спиной о кровать. Ждет.

Как только телефон включается, Мингю мгновенно заходит в галерею. Находит ту папку с фотографиями, в которую не заходил с тех самых пор, когда в последний раз был в больнице, где бабушка провела свои последние месяцы. Открывает, листает. Находит нужную фотографию – одну-единственную. Выдыхает так громко, что Чонхо позади начинает ворочаться.

Фото сделано не им. Он – сидит позади койки, на которой

лежит его бабушка. У нее усталое бледное лицо, но она все равно улыбается, крепко держа его за руку. Мингю смотрит в камеру с недовольным видом, но по фото заметно, что он не испытывает раздражения или злости, потому что уголки его губ приподняты.

Ближе всех к объективу девушка с длинными черными волосами. Она сидит по другую сторону койки, держит телефон в вытянутой руке и улыбается так широко, что глаз почти не видно. А Мингю кажется, что он все еще слышит ее смех.

Он наклоняется, приближает фотографию в том месте, где на чужом белом халате висит бейджик. Видит имя и слабо улыбается, запрокидывая голову назад, на кровать. Смотрит в потолок.

Мингю не послушал ее. Он сел на склон и поехал вниз, собирая задницей все кочки, которые даже не чувствовал толком, если честно. Он ехал молча и без свиста даже, без интереса смотря вниз с мыслью: а где же там это ваше хваленое дно. Но его нет, дна этого. Он едет до сих пор – потому что его попросту нет.

Мингю не послушал ее и жалеет об этом: сейчас, сидя на полу и подпирая спиной кровать; сейчас, сжимая в руках свой старый телефон, который не утратил лишь одну функцию: показывать цветные пятна его памяти; сейчас, глубоко дыша и чувствуя запах миндаля, когда его спины касается чужая теплая ладонь.

Она была права. Он жалеет. Потому что его жизнь – не мусор. До тех пор, пока кто-то в нем нуждается.

Чувствовать себя паршиво с утра уже стало классикой жанра, но Мингю думает, что едва ли может к этому привыкнуть. В принципе, сам виноват – не жалуйся, но жаловаться очень хочется, особенно когда ты видишь, как кто-то другой за обе щеки уминает чипсы, оставшиеся с прошлого вечера. Этим кто-то оказывается Тэён, который выглядит удивительно бодрым, хотя накануне выпил больше всех, и Мингю самую малость хочется отпинать его от досады.

Когда он спускается на кухню – последним, потому что пытался утопиться в раковине, – Юбин стоит привидением над кофеваркой, дожидаясь, судя по всему, уже далеко не первой порции кофе. Сонёль на кофеварку положил огромный болт – сидит со странно выглядящей бодягой, в которой Мингю не без труда узнает все тот же кофе, который Сонёль решил заварить прямо в чашке. И такой тлен в воздухе витает вперемешку с сожалением, что самое время нервно засмеяться и громогласно пообещать, что «я больше не пью».

Мингю молча выпивает две таблетки аспирина, учтиво протянутые ему Юбином, который сейчас функционирует на одном автопилоте, и садится за стол, кривя лицо в непонятное нечто, ибо, Тэён, серьезно? Вот же шакал.

– Напомните мне, – Чонхо забирает кружку кофе из рук Юбина, – почему мы так нажились?

– Ты был в драме и сказал, что на кухне есть пиво.

– А, точно. – Он делает большой глоток и морщится: явно обжег себе язык.

– Да ладно вам, – Тэён сидит прямо на барной стойке и болтает ногами, – нормально же все.

– У меня даже нет сил кинуть в тебя чем-нибудь, – уныло тянет Мингю.

Следующие полчаса они просто сидят на кухне и лениво переговариваются, а когда Мингю начинает отходить от этого отвратного утреннего состояния, то с кряхтением поднимается и идет на террасу устранять последствия вчерашних посиделок – знает, что все равно никто этим не будет заниматься, кроме него.

Мусора собирается целых два пакета, но грязных тарелок и стаканов оказывается еще больше, и он моет их слишком долго, потому что возле него крутится Тэён и всячески отвлекает. Наверное, будь Мингю двадцать, а не на пять лет больше, он бы тоже был бодр и весел, но он правда уже слишком стар для этого дерьма.

После полудня, когда каждый из них уже более-менее напоминает человека, Чонхо предлагает потихоньку собираться и выдвигаться в сторону автобусной станции. Мингю, который в этот момент только заходит в дом, держа Куки за поводок, неожиданно напрягается, потому что вспоминает свой сон. Он знает, что это не сон был вовсе, а воспоминание, надежно спрятанное в паутине его сознания, но легче от

этого не становится – наоборот. Раз за разом его посещают призраки прошлого – именно в те моменты, когда он сомневается абсолютно во всем.

Он сомневается. Он боится. В нем сомнений и страхов сейчас настолько много, что они почти полностью перекрывают то большое и болезненно красивое, с чем он сталкивался лишь однажды, но упустил, не сумев до конца разобраться в этих чертовых перипетиях, что выстраивала его душа, копируя шахматное поле. Один неверный шаг влево – боль, один неверный шаг вправо – потеря. Куда идти? Назад?

(Быть может, вперед.)

Через несколько часов он снова останется один на один со своей проблемой, и ему страшно. Страшно признать, что это не проблема вовсе, а решение – то самое, в котором он нуждался эти несколько лет.

– Юбин, – Мингю останавливает его, и тот вопросительно вздергивает брови, – мы можем... поговорить?

Он сам не до конца понимает, что ему нужно в данный конкретный момент, но зато предельно ясно осознает сам факт нужды. И что поговорить об этом он может только с Юбином, что, если честно, сначала кажется смешным, а потом – невыносимо грустным. Потому что да. Никого больше не остается – именно сейчас и именно для тех слов, которые Мингю настолько нужно произнести вслух.

Юбин кажется удивленным, но не задает вопросов – кивает и предлагает подняться на балкон на третьем этаже, где

Мингю пока так и не довелось побывать. Он немного нервничает и все время оглядывается назад, подсознательно боясь, что кто-то решит их подслушать.

Когда они прикрывают за собой дверь и Юбин открывает одно из окон, восхищенно вздохнув, Мингю не выдерживает и громко выдыхает. Встает рядом и тоже смотрит – на коттеджный поселок на склоне холма, на лес вдаль, небо, что накрывает куполом сверху. Лиловое-лиловое такое, с яркими вкраплениями розового, которые он раньше не замечал. Выдыхает снова – кажется, еще громче, чем до этого.

– О чем ты хотел поговорить? – Юбин улыбается с легкостью, которая оседает в уголках его губ, смотрит внимательно.

Мингю достает из кармана уже почти пустую пачку сигарет, закуривает. Молчит какое-то время, разглядывая яркую макушку Сонёля, который бежит по двору, играясь с Куки, и кивает – сам себе, чтобы почувствовать хоть немного уверенности.

– В какой-то период своей жизни я здорово налажал, – говорит он, выдыхая дым. – Я подвел не столько всех вокруг, сколько себя самого. Я сдался. Думал, что боль, которую я испытываю, все оправдывает. Что какая разница, что происходит со мной, если жизнь и так уже на дне.

Лицо Юбина – серьезное, сосредоточенное и все еще немного удивленное. Наверное, он просто не понимает, зачем ему говорят все это. Зачем все это говорят именно *ему*.

Мингю протягивает Юбину сигарету – последнюю, – и тот молча прикуривает.

– Я знал одну девушку в то время. Она была старше меня года на два, проходила практику в том месте, которое я... – Мингю запинается, – часто посещал. И так вышло, что она волей случая стала свидетелем того события, что окончательно меня сломало. Сегодня ночью я вспомнил ее слова, которые, если честно, не хотел запоминать. «Не делай того, о чем потом пожалеешь». – Он смотрит на Юбина в попытке прочесть на его лице реакцию на свои слова, но не видит ничего, кроме замешательства. – Я ее не послушал. Она правда хотела мне помочь, а я просто отмахнулся от ее искренних чувств, решив, что они лишь бремя, которое ничего не исправит, ничем не поможет. И я жалею об этом.

Мингю стряхивает пепел в открытое окно и натянуто улыбается, когда Сонёль внизу останавливается и задирает голову, начав махать им рукой. Чонхо, надевающий на Куки ошейник обратно, тоже запрокидывает голову. Мингю не отвечает на его взгляд – поворачивается к окну спиной и трет переносицу.

– Зачем ты мне это рассказал?

– Сейчас я... – Он делает последнюю затяжку и тушит окурки об упаковку сигарет, бросает бычок внутрь. – Кажется, сейчас я опять нахожусь в подобной ситуации. И я не знаю, как мне поступить. Скажи, только честно, – Мингю смотрит Юбину в глаза, – если бы ты оказался в мире, кото-

рому не принадлежишь, и вдруг встретил человека, с которым захотелось остаться... что бы ты сделал?

— Я... — Юбин смотрит на сигарету в своих руках и неожиданно усмехается. — Это неважно.

— В смысле?

— Какая разница, как бы я поступил на твоём месте? Ты и только ты можешь понять, что правильно для тебя самого. Тебе в этом никто не помощник.

— В том и проблема, что, сколько бы я ни бился в поисках ответа, я не могу его найти. — Мингю поворачивается обратно к окну, смотрит вниз; не может не улыбнуться, когда видит, как смеется Чонхо. — Мне сказали тогда: «Не делай того, о чем потом пожалеешь». Я сделал. Я пожалел. Но я больше не хочу ни о чем сожалеть.

— К примеру, о том, что не ответил на чужие чувства, которые настолько очевидны, что это видят все?

Мингю слишком явно чувствует, как стреляет холодом в самое сердце. Оно немеет словно. Делает неровный удар и будто бы окончательно замирает.

— Хотя, знаешь, не так. — Юбин забирает пачку сигарет из его рук и по его примеру тушит о нее сигарету. — Я, конечно, совершенно без понятия, что и как у вас там происходит, но, послушав тебя сейчас... Кажется, дело скорее в том, что тебе *хочется* ответить, но ты никак не можешь этот факт принять, потому что... что? Тебе страшно?

— Я вовсе не... — Мингю настолько теряется, что забывает,

что хотел сказать дальше. — Я не...

— Неважно, — машет рукой Юбин. — Ты позвал меня, чтобы узнать, как бы я поступил на твоём месте, да? Хотя я и сказал, что никто не сможет решить за тебя, но... Перестань терзать себя. И просто живи.

— Это как прыгать без парашюта.

— Если прыжок был групповым, тебя может кто-то подхватить, кто знает. — Юбин смеется. — Не делай того, о чем потом пожалеешь, значит. Знаешь, ты уже жалеешь, хотя еще ничего не сделал. Не дурак ли?

Мингю прикрывает глаза на пару секунд и вымученно улыбается. Дурак, и вправду.

— Мир все еще на месте, да?

— А? — На него кидают непонимающий взгляд.

Он достаёт из заднего кармана свой старый телефон и снимает его с блокировки. Не ищет даже нужную фотографию, потому что она уже открыта, и разворачивает смартфон экраном к Юбину. Тот едва заметно дергается назад, замирает и, немного погодя, приближает свое лицо, разглядывая людей на фото. Мингю не знает, зачем показывает ему это. Не знает, какую реакцию хочет получить. Думает лишь о том, что ему по какой-то причине важно, чтобы Юбин *увидел*.

Может, это попытка оправдаться перед собой же. Может, это попытка объясниться с совершенно другим человеком, дать ему понять, почему он такой кретин и не прислушался.

И пусть это не тот Юбин, что стоит сейчас перед ним.

– Это... – На Мингю смотрят слегка напуганно, в бесконечном замешательстве. – Это то, о чем я думаю?

Он увеличивает фотографию в том месте, где на чужом больничном халате висит бейджик с именем.

«Чхве Юбин».

Они действительно все связаны. Их миры опутала одна красная нить, она сплела кольца на пальцах, стекла струйкой крови вниз по рукам, тянущимся к небу. И уже нет смысла прятаться и отвергать очевидное. Мингю хотел получить ответы, Мингю хотел понять, *зачем* он здесь. И он...

Он помог Тэёну, перед которым в своем мире чувствовал вину – все это время. Он смог снова обнять свою мать и сказать ей «прости». Он исполнил обещание, данное когда-то Сонёлю и которое затерялось на изнанке его подсознания, забылось и почти умерло. А сейчас Мингю стоит перед Юбином, к чьим словам не прислушался и оказался на самом дне.

Этот мир – будто предложение начать все сначала. Этот мир собирает его самого заново, заполняет дыры в душе, которая изрешечена пулями. Этот мир вовсе не напоминает ему о том, что он лишен всего. Он – дает ему *всё*.

– Знаешь, – Юбин поднимает на него взгляд, – ты только Тэёну не говори, что в твоём мире я девчонка, а то он меня застebet. Он и так частенько проезжается по тому, что мое имя редко дают парням.

Мингю смеется и кивает, пряча телефон обратно в кар-

ман.

– Спасибо.

– За что?

– Я проигнорировал твои слова в своем мире, но попробую прислушаться к ним в этом. – Он легонько треплет Юбина по волосам и разворачивается к выходу с балкона.

«Перестань терзать себя. И просто живи».

Однажды ему приснился Юбин – недели две назад. Он сидел в переполненной ванне и смотрел прямо перед собой – пустым до самой сути взглядом. А после скользнул вниз, исчез под водой, будто его и не было никогда. Мингю помнит, как глядел во сне на поверхность воды, которая почему-то стала молочно-белой, и не мог даже дернуться вперед.

(Не хотел.)

Он утопил в себе голос разума, не предприняв ни единой попытки прислушаться к нему. Слова «мир все еще на месте» захлебнулись внутри него отрицанием, болью, нежеланием поднять взгляд, направленный вниз. Этот мир попросту исчез под водой, утратил все звуки. Будто бы его и не было никогда.

Но он все еще на месте.

Они добираются до автобусной остановки дольше, чем в прошлый раз. Лениво тащатся вперед по дороге, а впереди планеты всей – Куки на натянутом до упора поводке, которому все нипочем. Мингю несколько раз оглядывается назад – на дом, в который уже никогда не вернется. Думает с

улыбкой, что пусть и так – важнее то, что он все-таки в нем побывал.

(Как и в этом мире.)

В автобусе они все садятся порознь, потому что мест рядом нет. Мингю долго таращится в окно, то и дело наклоняясь вперед, чтобы проверить Куки, который ворочается у него в ногах, и не сразу обращает внимание на оповещение на телефоне. Чонхо присылает ему сообщение, в котором ничего, кроме ссылки на плейлист. Мингю открывает Спотифай и видит короткое «p.s.2» в заголовке. Усмехается, на мгновение запрокинув голову назад; хочет обернуться – туда, где сидит Чонхо, – но не делает этого. Достает наушники и включает первую песню.

А на третьей его нехило кроет, потому что он понимает, что весь этот плейлист – полная противоположность тому, что сделал он сам вчера, когда они так же ехали в автобусе.

– Увидимся завтра! – машет рукой Сонёль.

Тэён салютует свободной рукой, ведомый под другую Юбином, который многозначительно улыбается, посылая своим взглядом чуть ли не сотни страниц текста, которые Мингю с каменным лицом игнорирует.

Он стоит какое-то время возле перехода станции метро, смотря им вслед, и думает вдруг, что это – здорово. Вот так попрощаться с этими людьми, слыша от них «увидимся завтра», – это хорошо, тепло. И было бы неплохо, если...

(так бы было всегда.)

Всю дорогу от метро до дома Мингю невольно отстаёт от Чонхо на пару шагов. Разглядывает чужой затылок, плечи, спину. Не может перестать гадать, каково это – вот так всю жизнь идти за этим человеком. Следовать за светом, что оставляет после себя комета. Каково это – отринуть все страхи, отказаться от каждого «если» и «бы», которых в голове океан без конца и края. Отринуть, отказаться и просто позволить себе протянуть руку и сжать в ней чужую ладонь.

Это страшно. Это больно. Но лишь потому, что это может закончиться в один миг, а ты – ты продолжишь баюкать свою боль, которая вдруг помножилась на другую и будто бы стала материальной.

В квартире ничего не меняется за их отсутствие – предсказуемо. И пахнет все так же: загазованным воздухом с улицы, потому что окно на кухне осталось открытым; кондиционером от вещей, которые Мингю развесил на балконе незадолго до выхода; и чуть-чуть – миндалем. Но Мингю знает, что дело не в квартире совсем, не в этом мире даже. Просто этот запах сейчас везде с ним. Так пахнет шампунь Чонхо. И он все еще помнит, как пару недель назад стоял в ванной как дурак с этой бутылочкой и не мог перестать вдыхать в себя сладкий запах, в котором на выдохе чувствовалось что-то хвойное.

Пока Чонхо разбирает рюкзак, Мингю включает кофеварку и долго стоит, упершись поясницей в край стола, наблюдая за тем, как тот ходит туда-сюда. Замечает в какой-то мо-

мент, что Чонхо не выпускает из рук телефон. Они не то чтобы говорили много после вчерашнего – неудивительно. Они не то чтобы в принципе много говорят – привычно. Но Мингю, кажется, и не нужно ничего уже: ни охапок слов, что для многих первостепенное, ни объяснений, ни ответов на вопросы, которых все еще много. Ему достаточно того, что есть.

– Эй, – зовет он, и Чонхо останавливается, смотрит на него, – поехали в Пусан.

– Что? – Тот хмурит брови, явно не понимает ничего, мнет в руках зарядку от телефона.

– К твоей маме.

– Зачем?

– В смысле «зачем», – Мингю неловко опускает взгляд, – она же звала тебя. А мне кажется... мне кажется, ты бы не захотел ехать один. Ты, конечно, всегда можешь позвать с собой Сонёлю или Юбина. А может, Мингю, когда он вернется, но я... – Он отворачивается, берет кружку, хочет отпить кофе, но передумывает – громко ставит на столешницу. – Я бы хотел съездить с тобой.

(«Я бы хотел, чтобы с тобой поехал именно я».)

Чужие шаги тихие совсем и почти не слышатся – он скорее кожей ощущает, что Чонхо останавливается точно позади него. Мингю выдыхает и оборачивается, заглядывает в его глаза. В них ни намек на улыбку, но там нечто большее.

– Поехали.

Ему хочется сказать еще что-нибудь, спросить, но все слова стынут прямо на губах. Не получается никак. Почему так сложно, господи? И сложнее всего именно тогда, когда тебе действительно есть что сказать.

Он опускает взгляд и не сразу осознает, что сам подступает ближе и тянет руки вперед. Обхватывает ими Чонхо и обнимает. Слышит чужой удивленный вздох – короткий, тихий – и обнимает еще крепче, упираясь лбом в плечо.

– И я тоже, – говорит Мингю и отстраняется.

Чонхо не спрашивает, что он имеет в виду. Он выжигает взглядом несколько долгих секунд, а после улыбается – грустно, надтреснуто. В этой улыбке нет радости, в ней нет тепла. Там только осколками стекла режется где-то на сгибе локтя.

(«Соври».)

За окном совсем темно, когда Мингю просыпается. Кажется, он поспал часа три или четыре, хотя волосы почему-то все еще немного влажные после душа – отключился на диване в гостиной, когда прилег пересмотреть фотографии на телефоне, который так и остался зажатым в руке. Время на экране показывает первый час ночи. Он садится и трет глаза;

плед с ног сползает на пол. По-хорошему бы сейчас перекочевать в кровать и продолжить смотреть сны, но, кажется, не в этот раз.

За окном льет дождь. Отбивает рваный ритм на подоконнике и возвращает в реальность.

Чонхо рядом нет – опять топится в душе, судя по шуму воды со стороны ванной. Мингю продолжает тереть слезящиеся после сна глаза и поднимается с дивана. Насыпает Куки еды, находит на одной из полок шоколадный батончик, медленно жует его, наблюдая за тем, как корги хрустит кормом. Желудок, в который почти сутки не падало нормальной еды, на шоколад реагирует не очень и громко осуждает.

Сначала он хочет постучаться в дверь ванной и крикнуть что-нибудь вроде «Эй, хватит плескаться, у нас дела», но поднятая рука опускается прежде, чем сжаться в кулак. А сонливость как рукой снимает. Мингю кашляет пару раз, подавившись будто – словами, что все еще мажут по губам, так и не обретя жизнь. Что он скажет Тэёну, когда увидит? Что он скажет Мину? Что он в принципе может им сказать? И как много будет написано прямо на его лице?

Мингю знает, что Тэён поймет все сразу. Мингю знает, что Тэён мысленно назовет его кретином. А потом попросит слать письма.

Письма.

В комнате Чонхо так же темно, как и в гостиной. Он включает настольную лампу и смотрит в сторону балкона. Хочет-

ся курить, но сигареты закончились, а новые купить они забыли. Мингю по привычке шарит в заднем кармане – на всякий случай, – но находит там лишь фантик от мятной конфеты. Он мнет его между пальцев, продолжая разглядывать Сеульскую башню, которая все так же светит сине-фиолетовым.

Сине-фиолетовым.

Голубой с сиреневым поразительно красиво сочетаются. Но что будет, если их смешать? Закрасить одно другим. Какой цвет победит? Или, быть может, они оба исчезнут, оставшись мутным пятном на стекле?

Взгляд скользит вниз по раздвинутым шторам, падает на кровать. Мингю перестает терзать фантик от конфеты, вместо этого начиная терзать самого себя. На краю заправленной постели лежит вскрытый конверт и сложенный вдвое лист рядом.

«Забавно это. Сейчас все отдают предпочтение мессенджерам, а кто-то все еще пишет письма от руки».

Чонхо открыл письмо. Спустя несколько дней – все-таки открыл. И оставил его здесь, в темноте своей комнаты. Прочитал ли он его? Пробежался ли взглядом по строчкам, задержался ли на подписи в самом конце? Или не смог зайти дальше первого абзаца, бросив и сбежав? Мингю опускает руку с зажатым в ней фантиком, роняет его на пол. Все еще терзает себя, потому что да, слишком хорошо осознает потребность подойти и заглянуть в этот сложенный вдвое ли-

сток.

Это нечто очень важное – Мингю знает. Просто не может быть иначе. Там, между строк, прячется что-то болезненно сокровенное – настолько, что нужно время, чтобы найти в себе силы заглянуть туда. Затеряться взглядом в витках букв. Заполнить себя чужим смыслом, которым делятся в надежде на то, что он найдет дорогу к сердцу.

Мингю понимает, что не должен этого делать. Ему нужно развернуться и выйти из этой комнаты, а не делать шаг вперед. Он не имеет права вторгаться в чужую жизнь подобным образом, он, кажется, совсем ни на что права не имеет, если подумать. Не имеет, но все равно обходит кровать и тянет руку к письму.

«Игнорируя прошлое, мы не можем полноценно жить в будущем».

Чонхо перестал игнорировать. Он встретился с ним лицом к лицу.

Мингю бросает последний взгляд на раскрытую дверь и отворачивается к окну. Делает глубокий вздох и опускает взгляд на строки на бумаге. Самую малость перестает существовать, когда видит первую из них.

Привет, Чонхо.

Прошло много времени с тех пор, как я в последний раз писала тебе письмо. То самое, на которое ты так и не ответил. Возможно, оно потерялось где-то на пути в Корею,

и, наверное, я бы даже была рада этому, потому что я не хочу думать, будто ты сам решил не отвечать.

Помню, что мы с тобой договаривались слать друг другу письма минимум раз в месяц – именно письма, от руки, такие глупые и бессмысленные, как может показаться многим. Но тебе слишком нравились подобные вещи, а я просто не смогла тебе отказать. Мне всегда было достаточно разговоров в Сети, но, знаешь, спустя какое-то время я уже не могла жить без твоих писем. Не могла и не могу, но все равно продолжаю, потому что ничего больше не остается.

Я бы так хотела знать, почему ты пропал. Почему удалил свои страницы, перестал отвечать. Я ведь поэтому и отправила тебе то письмо – надеялась, что хотя бы эта нить не оборвалась. Но сейчас я не знаю, держит ли ее хоть кто-нибудь на другом конце. Возможно, ты переехал: в другой район, город, страну. Но если ты читаешь эти строки, пожалуйста, дай мне знать, что с тобой все в порядке. Этого достаточно.

Я бы многое отдала, чтобы вернуться в то время, два года назад, когда мы сидели на берегу острова Сорэсом, смотрели на Ханган и думали о том, что все у нас в жизни будет хорошо. Что мы есть друг у друга. Но как быть? Кажется, я не смогла тебя удержать. Хотела бы я ошибаться. Хотела бы, чтобы ты сказал мне «нуна², ты идиотка». Что угодно, лишь бы я перестала думать о том, что я все-та-

² Нуна – обращение парня к девушке (или сестре) старше него.

ки тебя потеряла. Что угодно, лишь бы повернуть время вспять и никуда не уезжать.

В последних числах октября я прилетаю в Корею. Каждый вечер я буду приходить на Сорэсом. Поэтому, если ты хочешь увидеть меня так же сильно, как я тебя, пожалуйста, приходи. Я буду ждать тебя.

Если бы ты только знал, как мне тебя не хватает.

С.

Мингю всматривается в строчки до рези в глазах. Буквы плывут, сливаются, превращаются в кляксу, но даже тогда он не может опустить руку, чтобы вернуть письмо на место. Сердце в груди стучит в конвульсии, оставляет несуществующие трещины на ребрах, отзывается гулом в ушах. Уголки глаз щиплет тем, что держать в себе становится уже слишком сложно, мысли кусаются, проглатывают друг друга.

«Идиот, идиот, идиот, какой же ты идиот, Пак Чонхо».

И я такой же, Мингю думает. Усмехается этой мысли и прикрывает глаза. Зачем тебе комета, зачем все звезды, вместе взятые, если есть Солнце, да? И оно не в сотнях световых миль от, оно не появляется на небе раз в столетие, оно рядом совсем. Светит на тебя, пытается лучами дотронуться. А ты – ты гонишься за несбыточным, что мажет кровью мертвых звезд по ладоням.

Дверь позади скрипит надрывно громко, и Мингю вздрагивает. Оборачивается, видит Чонхо. Тот стоит на пороге комнаты, держась обеими руками за концы полотенца, что

висит на его плечах. Стоит, молчит и смотрит во все глаза, в которых вихрь закручивается, целый шторм в шаге от того, чтобы обрушиться. Мингю опускает руку; бумага шуршит, задевая штаны.

Надо сказать что-нибудь. Надо попытаться объяснить, почему влез без спроса. Почему вдруг решил, что имеет право знать. Надо, но Мингю молчит тоже, совершенно не видя шторма в чужих глазах – он сквозь него проходит, Мингю не чувствует его. У него как-то пусто совсем внутри, и лишь надсадным и тупым в голове: «Идиот, идиот, идиот».

И больно. Очень. Опять. Потому что Солнце и кровь далеких звезд бурыми мазками по коже.

– Ты... – Чонхо стягивает полотенце с плеч, отворачивает голову. – Ты не...

– Не должен был? Не имел права? Ты это хочешь сказать? – Мингю опускает взгляд на письмо, которое все еще держит в руке; усмехается, позволяя горечи осесть в уголках губ. – В любом случае ты прав. Не должен был и не имею права. – Он поднимает с кровати конверт и аккуратно засовывает в него сложенный лист бумаги. – Я бы хотел извиниться, но не могу, потому что я не сожалею. Хорошо, что я узнал, потому что теперь...

– Что? Что теперь? – Чонхо швыряет полотенце прямо на рабочий стол, чуть не снося по пути настольную лампу. – Ты снова сделал дохую умные выводы, даже не удосужившись разобраться сначала?

– А в чем здесь разбираться? У меня нет к тебе вопросов. – Мингю возвращает конверт на кровать, смотрит куда угодно, но только не на Чонхо. – К тому же меня это все не касается, – он прилагает слишком много усилий, чтобы заставить себя взглянуть в глаза напротив, – но зато касается тебя. Знаешь, все это время я думал, как же так. Почему такому, как ты, нужен такой, как я. Я ведь совершенно не тот человек, в котором можно нуждаться.

– Это не тебе решать, кто должен в тебе нуждаться, а кто нет.

– Может, и не мне. Но я понимаю, что все это бессмысленно.

– Да что «это», блядь? Господи, как же ты... – Чонхо накрывает ладонью глаза и шумно выдыхает.

Мингю понимает – видит, – что тот в одном шаге от того, чтобы начать орать и швырять в него какие-нибудь вещи. Понимает и даже не отрицает про себя тот факт, что в этом лишь его вина. Всегда только его.

– «Это» значит «цепляться за мимолетные мгновения», в то время как есть человек, который тебя любит, и он куда ближе, чем я. И ты любишь его тоже. Наверное. Пожалуй, я не хочу знать. – Мингю отводит взгляд, до боли кусая щеку изнутри. – Все это время ты пытался что? Заткнуть в себе дыру другим человеком? Я совершенно не гожусь для такого.

Лицо Чонхо разом теряет все эмоции. Он смотрит на Мингю так, будто видит в первый раз, и того непроизвольно

передергивает. Быть может, этот разговор и вправду ошибка, но он так не считает. Он вообще сейчас ни о чем не думает уже, кроме того, что человек, который стоит перед ним, заслуживает куда большего. Целого мира, может. И всю Вселенную в придачу. Но никак не кретина, который даже себя полюбить не в силах.

– Знал бы ты, как сильно я хочу тебя сейчас ударить.

– Я не против. – И Мингю честно хочется подставить лицо.

– Знаешь, что ты сейчас делаешь? В миллионный раз ищешь повод, как бы сбежать. Ты только этим и занимаешься. – Чонхо сжимает и разжимает ладони, сверкает темными глазами из-под влажной челки. – Ты от всего сбегаешь. Чертов трус. – Он подходит ближе. – Когда до тебя дойдет? Что я, блядь, должен сделать, чтобы ты наконец понял? – Чонхо хватается Мингю за ворот футболки и ощутимо встряхивает. – Я пытался заткнуть в себе дыру другим человеком, говоришь? А пусть хоть так, если тебе нравится так думать. Но что сделал ты?

– Ничего, – тихо отвечает Мингю, даже не пытаясь сопротивляться.

– Вот именно. – Чонхо сужает глаза, приближая свое лицо, а после толкает его так, что Мингю отступает на два шага. – Тебе не любить страшно, а позволить себе думать, что ты все еще действительно способен на это. Что, кажется, будто ты таким образом всю свою боль обесцениваешь? Решил носить

траур до конца жизни и все-таки сдохнуть никем в полном одиночестве?

– Да какого... какого черта ты мне говоришь все это... – Мингю хлопает ртом, пытаясь заглотнуть воздух.

– А ты? – Чонхо повышает голос. – Я устал от бессмысленных попыток пробиться через стену, которую ты выстроил перед собой, почему-то решив, что недостойн. Ты с таким усердием разглядываешь в себе все самое плохое, думая, что можешь прикрыться этим, что можешь использовать это как аргумент в любом споре.

– Хватит! – кричит Мингю в ответ. – Я ничем не прикрываюсь. Все, что я хочу, это чтобы ты понял, что я не тот человек, который может дать тебе то, что ты хочешь. А эта... эта девушка... – он указывает на лежащий на кровати конверт, – может.

– Прекрати эти уебищные попытки заставить меня отказаться от тебя! – окончательно срывается Чонхо.

– Что? – Голос дрожит.

(Все пропало. Они – пропали. Им конец.)

Чонхо не отвечает – разворачивается и выходит из комнаты. Мингю даже среагировать не успевает никак про себя – просто дергается следом за ним на автомате. Выбегает в гостиную с бешено колотящимся сердцем, чувствуя, как кипит и пузырится кровь в венах.

За окном гремит гром, когда Чонхо останавливается посреди кухни, хватаясь за голову. Секунда, две – он заносит

руку и с размаха сшибает со стола кружку, которая летит в стену. Осколки отскакивают так далеко, что один из них прилетает Мингю прямо под ноги. Он отшатывается, понимая, что его всего трясет.

– Чонхо, – зовет он тихо, но почему-то равно запредельно громко.

– Не подходи ко мне, – оборачиваются на него, указывая пальцем.

Мингю раздумывает ровно секунду, спустя которую делает несколько шагов вперед – слишком уверенных для того, кого колотит мелкой дрожью. От всего сразу колотит: от эмоций, осознания, увиденного, утраченного и одновременно обретенного. И будто бы вся жизнь обрушилась на голову разом – та самая, которой он не видел для себя.

Он останавливается перед Чонхо, упрямо смотря ему в глаза, но тот отводит взгляд, дыша глубоко и прерывисто. Когда Мингю видит, как он заносит руку, ему кажется на мгновение, что сейчас его действительно ударят, но Чонхо замирает и руку опускает обратно, а Мингю перехватывает ее на полпути, сжимая в своей.

– Я больше не могу, – он прикрывает глаза на пару мгновений и переводит взгляд себе под ноги, – я сдаюсь. Прости меня. Ты прав, я трус. Я ищу оправданий. Я постоянно убегаю. Я постоянно боюсь. Но самый большой страх для меня – то, что я снова потеряю важного мне человека. И мне опять придется учиться жить без него. А мне придется, Чон-

хо. Я думал, если... если... – Мингю путается в словах, терпит жжение в уголках глаз, потому что, блядь, он не имеет права лить слезы.

(Я думал, если не буду подпускать тебя к себе, будет проще. Я думал, если буду игнорировать свои чувства, будет проще. Я думал, если ты возненавидишь меня, будет проще.)

– Я сдаюсь, – повторяет он, – но я не хочу учиться жить без тебя. Наверное, это значит... – голос подводит – хрипит, срывается, – наверное, это значит, что я попытаюсь. Попытаюсь остаться. Здесь. С тобой.

(Чем бы это ни закончилось.)

Чонхо не отвечает ему, и Мингю поднимает голову. Смотрит в глаза напротив, а в них весь мир будто трещит по швам. Там волны покинули берег, не оставив после себя даже ракушек. Покинули, чтобы вернуться снова и смыть к черту весь прибрежный город.

Мингю дергают за руку на себя, обхватывают ладонью затылок. А Мингю – Мингю разрешает себе утонуть. Окончательно и бесповоротно – до боли на изнанке век, до замкнувшихся артерий, до вакуума в легких. До мира, что прямо сейчас осыпается осколками, на которые он наступает сверху. И никакого самоконтроля совершенно. И так удивительно больно и сладко одновременно.

Волосы Чонхо влажные, холодят пальцы. Кожа – контрастно горячая, и Мингю, если честно, хочется что угодно – может, даже умереть, – лишь бы навсегда остаться в этом

моменте, застыть хвойной слезой на века вперед. И руки сами скользят на спину, царапают ногтями так же, как сейчас изнутри его самого царапает, ломает и выламывает от эмоций, которые такими мертвыми казались.

Просто Мингю – иссохший под палящими лучами солнца лес, где трава жухлая, желтая, сухая, а Чонхо – пожар, что у самой кромки начался, но быстро перекинулся на самый центр. И если Мингю все-таки сгорит и перестанет существовать, ему, кажется, теперь действительно не о чем сожалеть.

Мингю – задыхается. Мингю – пропал, исчез. Без шансов. Ему на пол сползти хочется, когда чужая рука касается его запястья, спрятанных за татуировкой шрамов, считывает сумасшедший пульс.

В глазах Чонхо – осколки лавандовых небес. Мингю не знает, что отражается в его собственных, не знает, как много написано темнотой вдоль зрачка, но, судя по ощущениям, там абсолютно точно умирает нечто, что он привык считать собой все эти годы. И умирает оно в агонии – горит так, что те самые лавандовые небеса в чужих глазах тлеют и рассыпаются окончательно. Нет уже больше ни сиреневого неба, ни голубого. Наверное, им просто придется стать небом друг для друга.

Мингю орать хочется не то от безысходности, не то от полной исходности, потому что как, господи, откуда, почему. Как так вышло, как так получилось, что ему хочется от

всего отказаться: от глупых мыслей, от наизнанку вывернутой боли, которая петлей на шее болталась много лет, от непреклонной веры, что у него *так* уже – не будет. У него счетчик прожитых дней остановился давным-давно, а потом вдруг начал отсчет заново. Здесь. Рядом с человеком, который упрям так же, как и он, который упрям настолько, что до последнего крутил стрелки часов сам – до тех пор, пока они не пошли вперед сами.

Трель будильника тонет в раскате грома, но Мингю все равно ее слышит. Замирает, медленно скользит рукой в задний карман чужих джинсов, смотрит на экран телефона, на котором дрожит значок колокольчика. И внутри последнее обрывается – но не от противного звука, а когда Чонхо забирает у него смартфон и кладет на стойку позади экраном вниз. Кладет и в глаза смотрит – без компромиссов совершенно. Телефон вибрирует еще несколько раз и затихает. Он затихает, а Мингю – все-таки кричит. Разрывается беззвучным криком про себя до фантомного жжения в глотке.

Чонхо хороший. Он – хороший. Мингю всегда это видел, всегда понимал, но сейчас это понимание делает настолько хорошо, что попросту плохо становится. И дышать нечем.

– Ты хороший, – слышит Мингю и застывает.

Где предел этому человеку в его сердце? Там один только он сейчас. И вообще ничего больше. Так смеяться хочется, слезами захлебываясь. И все-таки умереть, потому что вынести это чувство невозможно совершенно – его слишком

много, оно внутри и вне, оно повсюду.

Мингю хочет обнять Чонхо снова, но не успевает: будильник звенит опять, словно еще громче, возмущенный тем, что его проигнорировали. Он подхватывает телефон уже сам, выключает его насовсем с третьей попытки, потому что сосредоточиться даже на одной кнопке чересчур сложно. Мобильник выскальзывается из опущенных рук, падает на пол, а Мингю даже угрызений совести не чувствует – только голову запрокидывает.

Все действительно пропало. Они – пропали. Им конец.

Мингю жмурит глаза до исступления и рыдать хочет в голос, потому что чувствует. Он – *чувствует*. Все и сразу. Но больше всего – то, что Чонхо рядом. И он не откажется от него: ни в этом мире, ни в другом.

Мингю бьется затылком о шкафчик и ловит всем своим существом чертов беспредел. Полный беспредел: в голове, душе, теле. Абсолютный раздраз и в то же время совершенную гармонию. И все вдруг кажется таким простым, господи. С первого дня таким было. И чувство, словно это было загадано всем миром на падающую звезду, которой был сам Мингю. Был – и сгорел в атмосфере без следа. И одно только осознание в голове осталось, что...

Он пытался сбежать, укрыться на задворках своего подсознания, отрицал, игнорировал. Хотел дать шанс – не только себе. А теперь – конец. Мингю хочется умолять и просить прощения – все так же – за все. За то, что дурак, кретин,

пропащий. За глупые упрямые смыслы, бьющие надсадно по вискам, за то, что не видел, что не давал видеть. Но в нем так много сейчас, что никуда уже не спрятать, ни под какие замки не запереть: оно бушующей лавой наружу хлещет и все вокруг выжигает.

Чонхо правда – рядом. Он своею поддержкой так больно делает, что Мингю умирает снова. Чонхо собою как волной накрывает, вздохнуть не дает.

Мингю сейчас весь – нараспашку. Он позволяет заглядывать куда-то дальше, чем в душу, рассматривать все свои грехи и страхи, которыми он как амулетами обвешался. И сжимает зубы до скрипа, когда понимает, что да, это больно. Больно, но Мингю безумен сейчас, как никто и никогда, поэтому боль глотает, давит ее в себе чужими объятиями.

И этот момент – он как бесконечное во времени. Он нечто такое, что застыло в вечности, которая вместо крови по венам стелется. Он кричит без единого звука, момент этот, и дарит все то, чего Мингю был лишен, а тот думает, что уже никуда. Уже никуда, господи, – он полон до краев. В нем этих чувств столько, что он понятия не имеет, как жить с ними дальше так, чтобы они не раздробили его на осколки. Как жить с ними так, чтобы хотя бы отзвук его самого остался. Потому что – *все*.

Просто – все. Он пропал. Он исчез. Он боролся так долго, он изводил себя, он так много раз подышал всего за одну секунду. Он не верил, он убегал, он прятался. А теперь у него

в руках оба мира сразу. У него в руках прошлое и будущее одновременно, что сталкиваются в беспамятстве, растворяясь друг в друге. У него в руках Чонхо, что дышит ему точно в шею и без конца повторяет, какой же он кретин.

Мингю смеется. Задыхается скорее. Сжимает чужую руку и соглашается про себя. Потому что да, кретин. Но сейчас этот кретин хочет жить так, как никогда прежде.

«Перестань терзать себя. И просто живи».

Мингю – живет.

Собирать по комнате свои вещи и не производить при этом шума достаточно сложно, но Мингю старается, хотя все равно хрустит коленями, когда присаживается на корточки, чтобы вытащить из-под кровати джинсы за торчащую наполовину штанину. Солнце упирается лучами точно в спину, и он то и дело чешет плечи – разумеется, шторы накануне никто не задвинул. А стоило бы, потому что такая жара для конца сентября – это совершенно ненормально даже для Сеула. Мингю вздыхает, обрывая свой вздох где-то на полпути, потому что это правда вышло слишком громко, а будить Чонхо не хочется.

Мингю останавливается на пороге кухни-гостиной, которую до этого быстро миновал, проскочив в ванную, и долго играет в гляделки с Куки, выглядывающим из-за спинки дивана. Пес скулит, недвусмысленно намекая на пережитый стресс, который, конечно же, связан с тем, что времени черт знает сколько, а никто из хозяев не удосужился его выгулять. На слове «хозяев» – не «хозяина» – Мингю снова улыбается, даже не думая эту улыбку подавить или стереть с лица собственной ладонью, проведя по губам. Потому что. Потому что почему бы и нет?

Он поднимает с пола футболку Чонхо, встряхивает ее, вешает на спинку одного из стульев. Хочет включить кофевар-

ку, но та тарыхтит, будто готовящаяся ко взлету ракета, – привычно, – поэтому вместо кофе он выпивает стакан воды и начинает собирать осколки чашки. Их не так много на самом деле, но Мингю все равно подметает в конце. Осторожно и максимально тихо высыпает все в мусорное ведро и какое-то время стоит над ним с глупым лицом. Эта чашка – как символ всего, во что он верил до того, как попасть в этот мир. Или, может, не так. Как все, во что он не верил.

И так необъяснимо тепло от понимания, что чашка разбита не им.

Под столом Мингю находит телефон Чонхо, который отлетел максимально далеко после того, как тот выронил его накануне. Трещин нет. Взвесив все за и против, он включает его, и смартфон мгновенно начинает трещать от оповещений, среди которых значится два пропущенных от Сонёля и один от Юбина. Мингю целую минуту гипнотизирует выплывшие сверху окошки, пока до него наконец не доходит, что времени почти одиннадцать утра. Они проспали универ.

– Бля-ядь, – тянет он и несется в комнату Мина.

Находит свой телефон на столе, и вот на нем все еще хуже: десять сообщений от Тэёна и миллион пропущенных от Сонёля. И дело вовсе не в том, что в Мингю внезапно ответственность разыграла, – просто он запомнил, что у Чонхо сегодня тест, сдача которого необходима для допуска к какому-то там экзамену. А сейчас тот дрыхнет, потому что будильник не прозвенел. *Почему не прозвенел?*

Времени ненавидеть себя не остается, поэтому Мингю с удивительной прыткостью бежит в другую комнату, подлетает к кровати, снимает с головы Чонхо подушку, под которую тот зачем-то занырнул, и начинает мутузить его.

– Вставай!

– Что ты делаешь? – На него смотрят сонными глазами.

– Универ. Проспали. Тест. Вставай. Бегом, – отрывисто отвечает Мингю, не прекращая манипуляций с подушкой, которую в итоге выхватывают.

Чонхо по утрам явно соображает лучше него, потому что ему хватает трех секунд и короткого взгляда в сторону настенных часов, после чего он подрывается с кровати и вылетает из комнаты. Мингю смотрит ему вслед и неожиданно для себя тихо смеется. И, однажды начав, уже не может остановиться.

Он смеется, подхватывая Куки на руки, чтобы успеть прогулять пса, пока Чонхо торчит в ванной, смеется, когда сгребает со стола кипу тетрадей в рюкзак, смеется, с головой ныряя в чужой шкаф в поисках какой-нибудь кофты, в которой в перспективе можно утонуть, и находит – огромный черный свитшот с капюшоном. Надевает его на себя, затягивает у шеи, чтобы видно ничего не было. Глупо выглядит, пожалуй, о чем и говорит взгляд Чонхо, который смотрит на него снизу вверх, забыв на мгновение про шнурки кед, с которыми копошился до этого.

Мингю обрывает свой тихий смех, когда с него снимают

капюшон и оттягивают ворот. И только заметив легкий румянец на чужих щеках, до него неожиданно доходит. Все и сразу – прямо на голову. Чонхо надевает капюшон обратно на его голову и сам затягивает шнурки на шее потуже, не переставая легко и просто улыбаться, а Мингю пытается сориентироваться в пространстве, но даже автопилот сейчас подводит.

Это утро настолько абсурдное.

Мингю, проснувшись, первым делом почувствовал не игривых бабочек в животе, про которых поэмы слагают, а боль в заднице. А потом выяснилось, что они проспали. И он отпиздил Чонхо подушкой.

Утро абсурдное, утро скомканное, но Мингю по непонятной причине чувствует, что все вокруг него головокружительно контрастное, словно кто-то наконец-то подобрал верные настройки фотоаппарата и тот стал снимать с удивительной резкостью и идеальной фокусировкой. Весь мир вдруг стал таким четким – каждая деталь, каждая мелочь. То, как они вместе выбегают из здания, налетая друг на друга, как хаотично залезают за заднее сиденье такси, то, как Чонхо ржет над ним, когда Мингю чуть не захлопывает дверь с рюкзаком снаружи.

То, как его берут за руку, когда они быстрым шагом пересекают главные ворота кампуса.

Им не нужно ни о чем говорить. Не нужно обсуждать произошедшее, выяснять, что это значит и к чему ведет. И Мин-

гю чувствует уверенность даже в этом – в том, что у него сейчас нет слов, которые он мог бы сказать, нет вопросов, которые он хотел бы задать. Потому что то, как он сжимает руку Чонхо в ответ, бросая долгий взгляд в его сторону, значит куда больше, чем все бессмысленные фразы, которыми они могли бы обменяться, не будь они собой. Но они все еще они, поэтому – рука в руке и улыбка на губах Чонхо. Потому что он – *Мингю знает* – чувствует то же самое.

– Давай, беги.

– Мы успели. Еще десять минут до начала теста.

Они стоят перед входом в здание факультета Мингю, все еще не разнимая рук. Мимо них проходят студенты, кто-то даже оборачивается, но Мингю нет до них дела. Он не хочет идти внутрь и думает послать все к черту. Пойти посидеть на паре с Чонхо, поглазеть на его сокурсников своими все еще немного сонными глазами. Усмехается, потому что знает, что не может – и так полдня коту под хвост.

(Чью жизнь *теперь* он пытается сохранить?)

Он глядит на Чонхо и откровенно теряется, когда наталкивается на его теплый взгляд. Мингю не помнит, когда в последний раз на него так смотрели. Мингю не помнит, чтобы на него вообще так смотрели. И это так странно и прекрасно одновременно.

Ведомый секундным порывом, он тянет Чонхо влево – в сторону невысоких кустов, где они с Сонёлем часто курили на перерывах. Думает, что тянет, потому что почти сразу они

меняются местами и именно Чонхо обнимает его первым, едва спешащие на пару студенты пропадают с глаз. А Мингю думает, что все, конечная станция. Дальше уже некуда. В нем просто не хватит места на все эти чувства.

Кажется, он так думал и вчера.

Чуть сбоку подозрительно громко шуршат ветки, и они одновременно смотрят в сторону шума. Сонёль сидит на корточках с зажатой меж пальцев сигаретой, и из-под его руки торчит ветка. Поняв, что его присутствие раскрыто, он выдыхает дым, который, кажется, держал в себе секунд десять, и начинает надрывно кашлять.

Мингю давит в себе (которую по счету за сегодня?) улыбку и подходит к нему ближе. Достает из лежащей рядом на земле пачки сигарету и прикуривает с невозмутимым лицом. Чонхо смущенно смеется.

– Вы осквернили мои священные кусты, – выдает Сонёль, закончив выкашливать легкие; смотрит на них обоих через прищур.

– Ты их осквернил первым, устроив тут курилку, – отстреливает Мингю, выдыхая дым.

– Ладно, я пойду, – улыбается Чонхо и подходит к нему. Снимает капюшон с головы и приглаживает его волосы. Улыбается еще раз – одними глазами – и уходит, оставляя после себя воцарившееся неловкое молчание.

– Ты поэтому трубку не брал? – спрашивает Сонёль, докурив сигарету до фильтра.

– Мы проспали.

– А. Ясно.

Мингю немного напрягается, когда понимает, что ему избегают смотреть в глаза. И, честно говоря, то, что это именно Сонёль, заставляет насторожиться еще больше.

– Не думал, что вы... Ну, вот это. Я думал, ты все еще... Ну, то.

– Говори нормально. – Он тушит сигарету и смотрит на Сонёлю до остервенения прямо, но тот лишь пожимает плечами:

– Это странно.

– Что странно?

– Не знаю, – уклоняется от ответа тот. – Нет, ты не подумай, меня это вообще никак не касается, но... Не знаю, – повторяет Сонёль, – это странно.

Сперва Мингю, признаться, хочет возмутиться, мол, а что ты заладил со своим «странно»? Хочет, но эта мысль так и остается всего лишь мыслью, а затем и вовсе обращается мыльным пузырем и громко лопается где-то внутри головы. Он не может злиться на Сонёлю – не имеет права. Мингю для него – Мин. Мин, который Чонхо много лет был как младший брат. И если бы на его месте действительно был именно он, это, пожалуй, было бы странновато.

В аудиторию они заходят молча, и сначала Мингю кажется, что Сонёль сядет отдельно от него – хотя, казалось бы, какова причина? Тот выглядит хмурым и будто бы мрачнеет

все больше с каждой секундой. Ломает свои брови под несуществующим углом, но все равно садится рядом, а Мингю с облегчением выдыхает. Юбин с Тэёном оба оборачиваются на них и яростно жестикулируют руками, а Мингю в ответ на их пантомиму только слабо улыбается и пожимает плечами. Ну да, проспал. С кем не бывает.

Они сидят точно рядом с окном. Он мало вслушивается в слова преподавателя, почти не смотрит на доску, сплошь исписанную формулами. Вместо этого Мингю во все глаза разглядывает пурпурное небо, по которому – он может поклясться – бегут волны. Он видит море. Бескрайнее и невообразимо глубокое. И такое красивое оно, море это. Почему он никогда этого не замечал?

От лавандовой бесконечности над головой все так же больно, но теперь почему-то и тепло. Настолько же ужасно в своей недостижимости, насколько и прекрасно. Как и все то, что он так хотел иметь в своей жизни.

(Хотел и получил.)

В горле немного першит, и Мингю отворачивается от окна, негромко кашляя в кулак. Першение усиливается, и он задерживает дыхание, пытаясь подавить новый спазм. Ничего не выходит – только слезы на глаза наворачиваются, – и он кашляет снова, чуть громче, чем до этого. Сонёль перестает писать в тетради и бросает в его сторону короткий взгляд. Мингю быстро-быстро моргает и кашляет, не открывая рта. Наверное, со стороны выглядит так, будто он сейчас задох-

нется.

– Ты в порядке?

Спазм сходит на нет, но перед этим заставляет Мингю кашлянуть в последний раз – оглушительно громко – точно в раскрытую ладонь. Он чуть сгибается при этом, но почти сразу выпрямляется, пряча руку под стол. Трет другой глаза и облегченно выдыхает.

– Поперхнулся, бывает.

Сонель вздергивает брови и отворачивается, пробурчав что-то про воду в своем рюкзаке, а потом достает бутылку. Ставит ее на стол и переводит взгляд в сторону доски, а Мингю глядит вниз – на свою руку. Разжимает кулак так медленно, что успеваает сто раз передумать за это время, но в итоге все равно смотрит на несколько смазанных пятен крови на пальцах. Горько усмехается.

(Получил и теперь расплачивается за это.)

Он засовывает руку в карман джинсов и как можно более незаметно вытирает ладонь изнутри, а потом все-таки прикладывается к бутылке с водой. Хваленого металлического привкуса на языке он не чувствует – может, совсем немного, – но не запить сухость во рту нельзя.

Мингю медленно закручивает крышку на бутылке, смотря прямо перед собой. Сначала головная боль, потом головокружения, затем кровотечение из носа. Теперь это. Ему не нужно напрягаться, чтобы установить прямую связь между всем этим. Ему не надо рисовать сложные схемы и строить

теории с целью понять, почему это происходит и к чему может привести. Все ясно, как божий день.

Просто это не его мир. Мингю ему не принадлежит. И его отторгают как чужеродный организм.

Мингю не страшно почему-то. Он не боится падать в обморок каждый день, не боится захлебываться в своей крови. Может, даже умереть. Он не знает. Ему не страшно, ему – спокойно. От мысли, что он уже все решил для себя. От осознания, что, кажется, впервые в жизни он принял правильное решение. Все, чего он хочет сейчас, – быть рядом с Чонхо настолько долго, насколько сможет.

А еще вернуть Мина в этот мир. Способ есть – он уверен. И пусть придется перевернуть всю страну кверху дном, он не позволит второму себе подохнуть вот так. Быть может, они даже смогут узнать друг друга, побыть какое-то время рядом. Быть может, Мингю научит его курить, и они вместе будут сидеть на кухне, пока Чонхо в своей комнате готовится к очередному тесту. Быть может, они успеют снова съездить в коттеджный поселок и поваляться на поле дружной компанией: он, Чонхо, Тэён с Юбином, Сонель. И Мин. Быть может...

Мингю тихо смеется, склоняя голову, когда понимает, что ему действительно не о чем жалеть. Всю жизнь жалел, но теперь он чувствует себя полным, как никогда до этого. И плевать, если он встретит свой конец, не дожив до тридцати. Это его выбор.

После последней пары Сонёль по привычке не идет курить, а куда-то утаскивает Тёёна с Юбином, с которыми Мингю не успевает перекинуться и парой слов. Он смотрит им троим вслед и чувствует легкую тревогу. Не успевает до конца погрузиться в это ощущение, потому что на плечо ложится чужая рука. Скользит выше, проводит пальцами по щеке и разворачивает его голову вбок.

Мингю смотрит в глаза Чонхо, который совсем близко. И улыбается.

– Что ты хочешь поесть? Мне заказать что-нибудь? Или в магазин сходить? – Чонхо копошится на кухне, когда они возвращаются домой.

Мингю включает кофеварку, давя в себе смех. О да, первая кружка кофе за день.

– Да успокойся, я сам могу сходить. Лучше иди грызи гранит науки, – он наблюдает за тем, как кружка наполняется черным кофе, – а то, не дай бог, завалишь следующий тест. Останешься без стипендии.

– Следующий только через неделю. – Чонхо опирается руками о столешницу рядом с ним, смотрит через прищур. – И, чтобы ты знал, я никогда не готовлюсь к тестам и всегда сдаю их на высший балл.

– Вундеркинд, я понял. – Мингю громко отпивает кофе. – Мне бы такие мозги.

Куки трется о его ноги и то и дело встает на задние лапы, опираясь передними о кухонные шкафчики. Смотрит таким

просящим и тоскливым взглядом, будто на его глазах едят сочный кусок мяса. Мингю смеется и наклоняется, чтобы погладить пса.

– Знаешь, может... – Его рука замирает на пару секунд. – Может, мне на работу устроиться?

Чонхо едва не роняет чашку, которую осторожно брал с подставки кофеварки, но вовремя спохватывается. Лупит глаза, моргает несколько раз с глупым видом и разевает рот.

– В смысле?

– Я просто подумал, – Мингю выпрямляется, не сводя глаз с Куки и чувствуя себя предельно неловко, – что не могу и дальше покупать сигареты на твои деньги.

Ему в ответ молчат. Даже кофе из кружки не отпивают. Смотрят пронзительно ярко до вспышек на изнанке век и молчат.

– Около станции метро в кофейне бариста ищут, – говорит наконец Чонхо, – если ты вдруг серьезно хочешь...

Мингю улыбается и подхватывает Куки с пола. Прижимает к себе пса, который начинает слюнявить его рубашку, и смеется еще громче. Кто бы знал, что последние дни его жизни будут настолько яркими.

– Хочу, – он перехватывает корги поудобнее, – а еще хочу, чтобы когда-нибудь мы съехали с этой квартиры и сняли другую, поближе к парку с кроликами. И чтобы мы платили за нее сами.

Он не слушает, что ему говорят в ответ. Выбегает из квар-

тиры, наспех подхватив поводок, который болтался на вешалке. А потом, когда Куки почти агрессивно выносятся на улицу, минуя раздвижные двери подъезда, думает, что к черту этот поводок.

Они носятся по парковой зоне позади дома, пугая школьников, возвращающихся домой после вечерних курсов, и Мингю ржет в голос, когда корги врывается в огромного хаски, начиная притворно-грозно рычать. Смех сходит на нет, когда выясняется, что хаски вообще-то девочка, а у Куки есть планы; он цепляет на корги поводок, без конца извиняясь перед пожилой дамой, а про себя думает, что какого черта. Захотелось вот псу – почему бы и нет.

Он покупает пачку сигарет и несколько минут стоит возле входа, раскуривая первую сигарету. Вспоминает, как совсем недавно стоял здесь так же. Куки, вцепившись зубами в его штанину, тянет вперед, а Мингю только смотрит вниз, случайно роняя пепел псу на голову, после поспешно стряхивая его на асфальт. Было, да. Стоял так же, да. Вот только тогда что-то было иначе.

(Наверное, все.)

Сиреневое небо все еще давит на душу. Закручивается спиралью где-то вдоль легких, проникает фиолетовым в вены и растворяется. Мингю дышит. Позволяет пурпурному вытеснять кровь. И думает, что так правильно.

– А ну жри картошку, – бузит Чонхо с порога, едва он успевает спустить Куки с поводка, – вот тебе твой сырный

соус, поэтому жри.

Мингю стоит в дверях с пакетом деревенской картошки из макдака в одной руке и полувскрытым сырным соусом в другой руке и чувствует себя чертовски глупо. Зубами достает одну дольку картошки из картонной коробки и задается вопросом, когда он успел сказать, что любит именно сырный соус.

Он почти успевает раствориться в приятном «нигде», выпив половину банки пива и чувствуя тяжесть от съеденной картошки, которой почему-то оказалось слишком много для одного, как спокойствие нарушает дверной звонок. Чонхо лениво поднимает голову, которая лежала на его плече, и ставит фильм на телевизоре на паузу.

– Соседи?

– Не думаю.

Он идет в коридор, а Мингю стекает с дивана безвольной личинкой и со вздохом ставит недопитую банку пива на журнальный столик. Сейчас бы закинуться под завязку и спать лечь, честное слово. Или еще чего. Но это лучше без пива.

– Ты чего? – слышит он со стороны прихожей и сразу весь подбирается.

Как в компьютерной игре, где графика подвисает и жрет твоего героя пикселями, он наблюдает за тем, как в гостиную заходит Сонёль. Мингю – страшно. Ему пиздец как страшно становится, потому что он еще ни разу не видел настолько разъяренного выражения чужого лица. Он даже рот ра-

зинуть не успевает, как ему прилетает кулаком по челюсти с такой силой, что он едва не падает, в последний момент успев схватиться за спинку дивана.

– Ты, – тычет пальцем Сонёль, – мудака, – выдыхает он и хочет ринуться вперед, чтобы зарядить вторым кулаком, но Чонхо хватается его под руку.

Мингю трет пальцем расшибленную губу и ноющий подбородок, выпрямляется. Смотрит на чужое взбешенное лицо и хочет спросить, в чем дело, но стихает, едва видит в глазах Сонёля надрывное отчаяние, от души разбавленное неверием.

– Ты, блядь, – рвется тот вперед, но Чонхо крепко держит его, – убью тебя на хуй!

– Да успокойся ты хоть на секунду!

– А нупусти меня, и я тут же успокоюсь!

– Чонхо, – мягко, но все равно отрешенно просит Мингю, – отпусти его.

Сонёль с раздражением выдергивает рукав рубашки из чужой хватки, тяжело вздыхает, раздувая ноздри. Мингю во все глаза смотрит на него, подмечая самую крошечную смену эмоций на его лице. От него отворачиваются, встряхивая обеими руками, и сочно матерятся куда-то в воздух.

– Если бы мог, прибил бы тебя на месте, – выплевывает Сонёль, стреляя глазами в его сторону.

– Почему? – с пустотой в голосе спрашивает Мингю, боясь ответа.

В него швыряют сложенный в несколько раз лист бумаги, который он не может поймать. Поднимает с пола и медленно разворачивает, пытаясь игнорировать дрожащие пальцы. И смотрит на ту самую фотографию зеркала, на которой изображены его первый официальный владелец и семья. То самое фото, что Тэён приволок, проторчав в библиотеке пару дней.

– Я с самого начала думал, что херня какая-то, а теперь выясняется, что... Вот *это*? – орет Сонёль. – Да как ты вообще мог?

– Мог что? – Мингю мнет в руках бумагу.

– Я думал, что мы друзья, – чужие глаза устремляются в пол, – а ты...

– Но мы, – он заикается, – но мы... Мы не...

Внутри когтями скребет настоящий монстр. Он елозит острым по легким и едва ли дает вздохнуть. Мингю хочет, очень. Но не может. Стоит только, комкая лист бумаги в руках, и хлопает ртом, молясь про себя, чтобы это просто было сном.

– Тихо, – Чонхо кладет руку на плечо Сонёля, – не бесись. – Но его ладонь резко скидывают.

– Все это время я думал, что с ума схожу. – Сонёль трет ладонью лицо. – Что я кретин и мне просто показалось. А потом вы... А потом вы начали вот это все! – Он со злостью отшатывается в сторону, едва замечая, как Чонхо наклоняется в его сторону. – Я столько раз внушал себе, что мне показалось, но... – Он стреляет взглядом в сторону Мингю. –

В который раз я убедился в том, что никогда не ошибаюсь.

– И? – Мингю выпрямляется. – И что теперь?

– К черту ты идешь, вот что! – кричат ему в ответ.

– Угомонись, – он ступает ближе, хватая Сонёля под руки, но тот брыкается, – просто угомонись.

– Не трогай меня, ты, кусок...

– Угомонись.

Мингю не особо запоминает, сколько они стоят вот так – вполоборота. Он – крепко сжимая Сонёля в объятиях, а тот – подняв руки, будто в последний момент решив принять позу, чтобы залепить кулаком по лицу. Мингю сжимает руки еще сильнее и судорожно вздыхает. Чувствует запах лимона и сигарет. Жмурит глаза от невозможности заплакать, потому что знает, что так пахнет Сонель.

– Эй, – бурчат ему на ухо, – а ну пусти.

Мингю отстраняется, пряча взгляд, и впервые в жизни жалеет, что не может становиться невидимым. Сонель смотрит в пол, сжимая губы настолько плотно, что те попросту пропадают, и прикрывает глаза.

– Почему ты просто не мог сказать...

– Никто не должен был знать, – тихо отвечает Мингю, – это вышло случайно.

– Просто скажите мне, что это шутка. Я пришел сюда, чтобы мне сказали, что все это – шутка. – Голос Сонёля срывается, и он отворачивается.

– Это правда.

– Я ведь знал, что вы мне ни слова не скажете. – Сонёль резко оборачивается и наставляет на Мингю палец. – Потому что вы оба два долбоеба, что держатся только друг за друга. Мне пришлось... Господи, да мне пришлось Тэёна чуть ли не в унитаз головой макать, чтобы он заговорил. – Он медленно садится на один из стульев рядом с обеденным столом.

– С унитазом ты переборщил, конечно, – не к месту встречает Чонхо.

– Да иди ты, – огрызаются на него и склоняют голову. – Черт побери, все это время... все это время, блядь...

Мингю смотрит на чужое отчаяние и просто не знает, что делать. Что сказать. А еще не понимает, чем подобная реакция вызвана. Ведь они... Они с Сонёлем знают друг друга едва ли месяц. И этот факт теперь известен им обоим. Тогда почему человек напротив на составляющие рассыпается от осознания, что ему ввалили все это время? От осознания, что ему лгал совершенно посторонний человек? Кто Мингю такой, чтобы из-за его лжи желать взорвать половину города?

– Я не понимаю, почему, но, – он присаживается на корточки перед Сонёлем, – прости. Поверь мне, я ни разу не хотел тебя обидеть. Я просто... я просто должен был незаметно исчезнуть. И чтобы никто ничего не заметил.

– Ничего не заметил? – Сонёль усмехается. – Этот месяц – лучшее время за все два года, что я тебя знал. То есть... – он трет лоб и начинает истерически смеяться, – не тебя. Да, не тебя.

У Мингю вся жизнь куда-то проваливается. В самую бездну проваливается, потому что он смотрит на человека, от которого хотел скрывать себя до последнего – не потому, что Сонёль не имеет права знать, а потому, что искренне верил, что так будет лучше. А теперь перед ним сидят, на атомы рассыпаясь, и утверждают, что он – мудак. Мингю усмехается. И правда. Он – мудак.

Чонхо открывает бутылку какой-то приторной газировки, которую Мингю вообще-то хотел выпить сам (да, ему иногда тоже приторной дряни хлебнуть хочется), и ставит рядом с Сонёлем на стол. Тот без вопросов выпивает половину, хлопает глазами отрешенно, а потом смеется – настолько громко, что Мингю хочется зажать уши. Смеется и резко свой смех обрывает, втыкаясь острым взглядом в него до самого мяса. Мингю буквально чувствует, что несколько сантиметров до сердца осталось.

– Хорошо, что так вышло.

– Что?..

– Хорошо, – Сонёль крутит бутылку на столе, – что так получилось.

Мингю выпрямляется, краем уха слышит, как хрустят его колени. Смотрит на Сонёля так, будто это первый раз, когда они говорят, и он совершенно не одобряет его слов.

– Когда мы с тобой лежали на поле и ты начал разговор про другие Вселенные, – Мингю вздрагивает, когда встречается с чужим взглядом, – я вдруг подумал, что это самое пра-

вильное из того, что могло бы произойти. Так ведь и есть, да? Все, о чем мы говорили. – Сонель опускает взгляд. – И мелкий Чонхо, и Тэён, который как контрастное нечто, и небо другого цвета... И мы с тобой, что встретились в самое сложное время, которое было в нашей жизни. – Он улыбается. – Я рад. Рад, что смог тебя узнать. Но это не отменяет того, что ты – мудак.

– Я тоже рад, – Мингю жмурит глаза, – что смог тебя узнать. – Он склоняется ниже и снова обнимает Сонёлю, но в этот раз крепко настолько, что тот растерянно хрюкает. – Прости меня.

Прости, что игнорировал тебя, решив, что утонуть в темноте – это самый правильный исход. Прости, что не услышал тебя, когда ты кричал громче всего. Прости, что не смог спасти тебя – тогда, когда ты пытался спасти других в то время, когда спасать надо было тебя самого. Прости, что не был рядом и душой, и телом. Прости. Пожалуйста, прости.

– Прощаю, – тихо говорит Сонель, елозя руками в его объятия. – Но взамен вы должны выложить мне все. Абсолютно все.

Мингю поднимает голову, чтобы посмотреть на Чонхо, который стоит в нескольких шагах от них, и спотыкается. Взглядом, мыслями, душой – всем сразу. Чонхо смотрит так, будто на его глазах с поля битвы забирают тела погибших, и выдержать это совершенно невозможно. Он моргает, разжимая пальцы, позволяя Сонёлю выпрямиться, и тычется плы-

вущим взглядом в кафель. Равнодушно чувствует, как о его ноги трется Куки, и громко сглатывает. Не может себя контролировать совсем, но пытается.

Чонхо чувствует его целиком и полностью. Он чувствует то, что Мингю даже про себя подумать не успел. Это страшно – должно быть страшно. Но Мингю только кричать хочется – и отнюдь не от боли. Сонёль тискает бутылку дурацкой газировки, а он просто таращится на Чонхо так, словно прямо сейчас готов весь мир положить у его ног. И это так... непривычно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.